№ 23 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE ЦЕНА 15 СЕНТОВ

ДЕЛО ТРУДА-ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

ДЕКАБРЬ 1947 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

23-й год издания

РОССИЯ ПОСЛЕ 30 ЛЕТ ДИКТАТУРЫ

Когда обойдешь мир, везде найдешь много зла, притеснений, неправды, в России, может-быть, более, чем в других государствах. Не оттого, чтоб в России люди были хуже, чем в запад. Европе; напротив, я думаю, что русский человек лучше, добрее, шире душой, чем западный; но на Западе против зла есть лекарство: публичность, общественное мнение, наконец, свобода, облагараживающая и возвышающая всякого человека. Это лекарство не существует в России. Западная Европа потому иногда кажется хуже, что в ней всякое зло выходит в наружу, мало что остается тайным. В России же все болезни входят во внутрь, съедают самый внутренний состав общественного организма. В России главный двигатель — страх, а страх убивает всякую жизнь, всякий ум, всякое благородное движение души. Трудно и тяжело жить в России человеку, любящему правду, человеку, любящему ближнего, уважающему равно во всех людях достоинство и независимость бессмертной души, человеку, терпящему, одним словом, не только от притеснений, которых он сам бывает жертва, но и от притеснений, падающих на соседа! Русская общественная жизнь есть цепь взаимных притеснений: высший гнетёт низшего: сей терпит, жаловаться не смеет, но зато жмёт еще низшего, который также терпит и мстит на ему подчиненном. Хуже же всех приходится простому народу, бедному русскому мужику, который, находясь на самом низу общественной лестницы, уж никого притеснять не может и должен терпеть притеснения от всех, по этой русской же пословице: "Нас только ленивый не бьет!"

Везде воруют и берут взятки и за деньги творят неправду: и во Франции, и в Англии, и в честной Германии; в России же, думаю, более чем в других государствах. На Западе публичный вор редко скрывается, ибо на каждого смотрят тысячи глаз: каждый может открыть воровство и неправду, и тогда уж никакое министерство не в силах защитить вора. В России же иногда все знают о воре, о притеснителе, о творящем неправду за деньги; все знают, но всё же мочлат, потому что боятся; и само начальство молчит, зная за собой грехи, и все заботятся только об одном, чтобы не узнали министр да царь, а до царя далеко, государь, так же как и до Бога высоко!

В России трудно и почти невозможно чиновнику быть не вором. Во-первых, все вокруг него воруют, привычка становится природою, и что прежде приводило в негодование, казалось противным, скоро становится естественным, неизбежным, необходимым; во-вторых, потому что подчиненный должен сам часто, в том или другом виде, платить подать начальнику; и, наконец, потому что, если кто и вздумает остаться честным человеком, то и товарищи и началь-

ники его возненавидят: сначала прокричат его чудаком, диким, необщественным человеком, а если не исправится, так, пожалуй, и либералом, и опасным вольнодумцем, и тогда уж не успокоятся, прежде чем его совсем не задавят и не сотрут его с лица земли. — Из низших же чиновников, воспитанных в такой школе, делаются современем высшие, которые в свою очередь, и тем же самым способом, воспитывают вступающую молодежь — и воровство, и неправда, и притеснения в России живут, растут, как тысячечленный полип, которого как не руби и не режь, он никогда не умирает.

Один страх против сей всепоедающей болезни не действителен. Он приводит в ужас, останавливает на время, но на короткое время. Человек привыкает ко всему, даже и к страху: Везувий окружен селениями и самое то место, где зарыты Геркулан и Помпея, покрыто живущими; в Швейцарии многолюдные деревни живут иногда под треснувшим утесом, и все знают, что он каждый день, каждый час может повалиться и что в страшном падении он обратит в прах все под ним обретающееся, никто не двинется с места, утешая себя мыслю, что авось еще долго не упадет. Так и русские чиновники, государь! Они знают, сколь гнев ваш бывает ужасен и ваши наказания строги, когда до вас доходит известие о какой неправде, о каком воровстве, и все дрожат при одной мысли вашего гнева и, все-таки, продолжают и красть, и притеснять, и творить неправду! Отчасти потому, что трудно отстать от старой, закоренелой привычки; — отчасти потому, что каждый затянут, запуган, обязан другим, вместе с ним воровавшими и ворующими ворами; более же всего потому, что всякий утешает себя, что он будет действовать так осторожно, и пользуется такою сильною воровскою же протекцией, что никогда его прегрешенья не дойдут до вашего слуха.

Один страх не действителен. Против такого зла не обходимы другие лекарства: благородство чувств, самостоятельность мысли, гордая безбоязненность чистой совести, уважение человеческого достоинства в себе и других, а наконец, и публичное презренье ко всем бесчестным людям, общественный стыд, общественная совесть! Но эти качества, силы цветут только там, где есть для души сильный простор, не там, где преобладают рабство и страх; сих добродетелей в России боятся не потому, чтобы их не любили, но опасаясь чтоб с ними не завелись и вольные мысли . . .

Более всего поражало и смущало меня несчастное положенье, в котором обретается ныне, так называемый, черный народ, русский добрый и всеми угнетенный мужик. К нему я чувствовал более симпатий, чем к прочим классам, несравненно более симпатий, чем к безхарактерному и блудному сословию русских дворян. На нем основывал все надежды на возрожденье, всю веру на великую будущность России; в нем видел свежесть, широкую душу, ум светлый, не зараженный заморскою порчей, и русскую силу; — и думал, чтобы был этот народ, еслиб ему дали свободу и собственность, еслиб его научили читать и писать! И спрашивал, почему нынешнее правительство, самодержавное, вооруженное безграничной властью, неограниченное по закону и, в деле, никаким чуждым правом, ни единою соперничествующею силою, — почему оно не употребить своего всемогущества на освобожденье, на возвышенье, на просвещенье русского народа?

. . . Я дерзостно и крамольно отвечал в уме и в писаньях своих: "Правительство не освобождает Русского Народа, во-первых, потому что при всем всемогуществе власти, неограниченной по праву, оно, в самом деле, ограничено множеством обстоятельств, связано невидимыми путями, связано своей развращенной администрацией, связано, наконец, эгоизмом дворян. Еще же более потому, что оно действительно не хочет ни свободы, ни просвещенья, ни возвышенья Русского Народа, видя в нем только бездушную машину для завоеваний в Европе!"

Я спрашивал себя также: "Какая польза России в ее завоеваньях? И если ей покорится пол-света, будет ли она тогда счастливее, вольнее, богаче? Будет ли даже сильнее? И не распадется ли могучее Русское Царство, и ныне уж столь пространное, почти необъятное, не распадется ли оно, наконец, когда еще далее распространит свои пределы? Где последняя цель его расширенья? Что принесет оно порабощенным народам заместо похищенной независимости? О свободе, просвещеньи и народном благоденствии и говорить нечего, разве только свою национальность, стесненную рабством! Но Русская или, вернее, Великороссийская Национальность должна ли и может ли быть национальностью целого мира? Может ли Западная Европа когда сделаться русскою языком, душею и сердцем? Могут ли даже все Славянские Племена сделаться русскими? Позабыть свой язык, которого сама Малороссия не могла еще позабыть, свою литературу,

свое родное просвещенье, свой теплый дом, одним словом, для того чтоб совершенно потеряться и "слиться в русском море," по выраженью Пушкина? Что приобретут они, что приобретет сама Россия через такое насильственное смешанье? Они — тоже, что приобрела Белоруссия вследствие долгого подданства у Польши; соверш. истощенье и поглупенье Народа. А Россия? Россия должна будет носить на плечах своих всю тяжесть сей необъятной, многосложной насильственной централизации. Россия сделается ненавистна всем прочим славянам так, как она теперь ненавистна Полякам; будет не освободительницею, а притеснительницею родной Славянской Семьи, их врагом против воли, на счет собственного благоденствия и на счет своей собственной Свободы, — и кончит, наконец, тем, что ненавидимая всеми, сама себя возненавидит, не найдя в своих принужденных победах ничего, кроме мучений и рабства! Убьет Славян, убьет и себя! Таков ли должен быть конец едва только что начинающейся Славянской жизни и Славянской Истории?" . . .

. . . Теперь Россию никто не знает: ни европейцы, ни русские, потому что Россия молчит; молчит же она не оттого, чтоб ей нечего было сказать, а только потому, что и язык и все движенья её связаны. Пусть она воспрянет и заговорит, и тогда мы узнаем и что она думает, и чего она хочет: она сама покажет нам, какие формы и какие учреждения ей нужны . . .

. . . Любовь к свободе и неотвратимая ненависть ко всякому притесненью, еще более когда оно падало на других, чем на меня самого. Искать своего счастья в чужом счастье, своего собственного достоинства в достоинстве всех меня окружающих, быть свободным в свободе других, — вот вся моя вера, стремленье всей моей жизни. Я считал священным долгом восставать против всякого притесненья, откуда бы оно не происходило и на кого бы не падало.

Михаил Бакунин

* * *

Так писал 96 лет тому назад революционный демократ Михаил Бакунин, сидя в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, о режиме Николая Первого в своей "Исповеди." Оценка этого режима вполне применима к современному большевистскому режиму, только что торжественно отпраздновавшему свое тридцатилетие.

Я всегда имел большой соблазн сравнивать большевистский режим с Николаевским режимом реакции, державшим Россию в тисках монархической диктатуры долгих тридцать лет. В самом деле, замените в приведенной бакунинской оценке николаевского режима царь и государь Сталиным, Политбюро или Компартией, замените дворян бюрократией и возведите нарисованное Бакуниным в сотую степень и перед вами полная картина современного русского режима.

Что это сравнение говорит? Оно говорит, что большевизм, вместо того, чтобы продвинуть страну на сто лет вперед, отбросил её на сто лет назад, не только снизил общественную жизнь до уровня николаевщины, но опустил её ещё ниже.

Какую бы область общественной жизни мы ни взяли, большевистский, сталинский режим не выдерживает сравнения с николаевщиной.

Если, для примера, мы возьмем литературу, мы увидим, что при николаевщине оказались возможными не только Пушкин, Гоголь, Лермонтов, но Грановский, Белинский и другие, подготовившие приход Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Зайцева, Ткачева, при большевизме же оказались возможными только Эренбурги и Симоновы. Вся литература поставлена в условия времен Третьяковского, когда должны были писать хвалебные оды и получать по морде за неудачные.

При Николае Первом значительная часть крестьянства находилась в крепостной зависимости, в рабстве. Крестьян могли пороть на конюшнях и продавать, как скот. Теперь все население страны государственно-крепостное, рабы государства. Правда, эти рабы не продаются, потому что некому продавать: государство единственный хозяин, но ими распоряжаются, как рабочим скотом, перебрасывают с места на место по усмотрению администрации и прикрепляют к фабрикам и колхозам; их не порят на конюшне, но истязают и избивают в застенках и расстреливают в подвалах или загоняют на Египетские работы миллионами.

Что касается гуманизма, человечности, то его можно найти даже в самых реакционных режимах нашего прошлого, в большевистском же режиме его нельзя найти даже днем с огнем, потому что за тридцать лет он даже не ночевал ни в одной большевистской голове.

Сравнения можно продолжать без конца и все они будут не в пользу существующего в

России режима. Если Белинские, и даже Пушкины и Лермонтовы, боролись против николаевщины, то почему мы должны защищать сталиновщину, заткнувшую за пояс николевщину? Почему?

Тот, кто защищает этот режим, просится в рабство или хочет быть погонщиком рабов, а не вольным человеком. Рабочему классу не по пути с этими людьми.

Г. Максимов

СУМЕЮТ ЛИ РАБОЧИЕ ОБОЙТИСЬ БЕЗ ХОЗЯЙСКОЙ ВЛАСТИ?

Работая прилежно, производители будут повышать тем самым благосостояние всего общества, а, следовательно, и свое благосостояние. Высшая производительность особо прилежного труда не будет поступать в пользу предпринимателей, как в настоящее время. Сознание, что при новых условиях не придется уже более работать для эксплуататоров, явится могучим побудителем к прилежной работе. Характерно, что в настоящее время, раз мы имеем дело с повременной платой, рабочий вовсе не заинтересован, в большинстве случаев, в производительности своего труда. Если он будет работать, как работает средний рабочий, то его заработок не уйдет от него; если он будет работать прилежнее и лучше — его заработок не увеличится. При сдельной плате он должен даже стараться работать не особенно энергично, так как в противном случае предприниматель не замедлить понизить его заработок, уменьшив расценку.

Полусознательный саботаж в его мягкой форме — обычное явление нашего времени.

Коллективный договор и он предполагает среднюю работу.

Леность (мы не говорим о болезни), недобросовестное отношение к труду будет встречаться в будущем обществе, как редчайшее исключение. Труд не будет более считаться унизительным, как считается теперь; не будет считаться делом "низших" классов. С первых же дней существования будущего общества будут устранены те особо тяжелые условия труда, на которые так щедры предприниматели и которые отбивают охоту работать. Производители уменьшат рабочий день, устроят мастерские, сообразуясь с требованиями гигиены и т. д., при чем все это сведет число лентяев чуть ли не к нулю.

В настоящее время многих называют лентяями только потому, что им предлагают непосильную работу и они не могут выполнить ее просто по недостатку физических сил. Как часто прогнанный за такую леность рабочий умирает через несколько недель в своему углу от полного истощения, от полного надрыва организма!

В обществе будущего — слабые возьмутся за соответствующую их силам работу и эти вчерашние лентяи перещеголяют в прилежании самых прилежных рабочих нашего времени.

Не мешает напомнить здесь о том превращении, которое произошло с рабочими Р. Оуэна, ставшими наиболее прилежными рабочими из отчаянных лентяев, благодаря улучшению условий труда.

На Нью Ленарской фабрике Оуэна работало более 2,000 человек. "Главная масса рабочих на фабрике состояла из ирландцев и горных шотландцев — народа дикого и невежественного." Пьянство, лень, воровство, ссоры, драки были обычными явлениями среди рабочих. "Репрессивные меры, обыкновенно принимаемые в таких случаях: штрафы, расчеты, сбавки жалованья, — нисколько не поправляли дела. Роберт Оуэн повысил заработок, уменьшил рабочий день и улучшил условия труда. Он обратился к рабочим со следующей речью: "От вашего старания зависит количество и качество фабричных продуктов, которые вы можете изготовлять на продажу. Чем больше будет продуктов и чем выше их достоинство, тем больше доходов получится с фабрики. Увеличение же доходов даст мне возможность больше сделать в вашу пользу, — повысить заработнюю плату, сократить число рабочих часов, увеличить удобства вашего помещения и т. д. Вы видите ,следовательно, что, работая хорошо, вы не для одних моих барышей жертвуете своим трудом, а имеете в виду вашу собственную прямую выгоду."

Оуэн предоставил рабочих "своему собственному суду и наблюдению относительно качества и успешности работы на фабрике. Никаких надсмотрщиков, мастеров, донимающих штрафами и взысканиями у него не было. Рабочие сами следили за добросовестным исполнением работы, и тот из них, который работал плохо и лениво, подвергался только порицанию своих товарищей."

" В течение шести лет, одновременно с

улучшением домашнего быта рабочих, пьянство и воровство постепенно исчезли; между ними развилась семейная жизнь, нравственный уровень их поднялся до небывалой высоты, и фабрика работала так, как немногие в то время, доставляя огромные барыши хозяевам." (А. В. Каменский.)

Нечего и говорить, что в хозяйственном обществе будущего у работающих явится более поводов к прилежанию, чем на фабрике Оуэна.

Ленивый, небрежный труд (если он не является следствием саботажа) легко возбуждает отвращение и в самом производителе; труд же прилежный, даже при современных тяжелых условиях, часто имеет неодолимую притягальную силу.

Моральное влияние товарищей по работе, нравственное влияние общежития производителей, обычное право общества трудящихся — все это вместе взятое является таким могучим средством для привлечения людей к труду, для того, чтобы они прилежно работали, что неловко даже доказывать это положение.

Понятно, что ленивая и небрежная работа целой мастерской (в том числе и мастеров одиночек) не может сойти в обществе вольных производителей за прилежную работу. Ленивый или необрежный рабочий сразу выделится с невыгодной для него стороны, а такова уже человеческая природа, что в роли неравного среди равных, — по своей вине, никто не захочет быть. Надо также помнить, что в обществе будущего люди будут браться за ту работу, к которой имеют склонность, а не за лучше оплачиваемую или случайно подвернувшуюся, как в настоящее время.* Еще менее оснований предполагать, что с момента ниспровержения существующего строя, люди откажутся работать. Как в настоящее время рабочие понимают, что без работы по найму им придется умереть с голоду, так и в будущем обществе будет понятно, что без работы в общенародных предприятиях люди начнут умирать, как замученные овцы. Для того, чтобы понять это, понадобится не больше умственных усилий, чем для того, чтобы понять необходимость работы в настоящее время.

Чем-то невероятно странным кажется предположение, что производители будущего общества откажутся работать в вольных мастерских. Это — такие-же несерьезные рассуждения, которыми утешали себя и защищали институт крепостного права крепостники-помещики и их идеологи: тогда тоже говорили, что освобожденные крестьяне перестанут работать, разлентяйничаются, сопьются и т. д. Но всегда существовали и всегда будут существовать те объективные условия, которые заставляют людей работать. Всегда были и всегда будут такие субъективные причины, благодаря наличности которых люди будут работать.

Человек, по крайней мере человек здоровый, это — работающее животное. Привычка к труду, обусловленная самим организмом человека, сложилась целыми тысячелетиями и одна только развращающая сила власти и денег, та сила, которой не будет в обществе будущего, могла создать класс праздных людей, ищущих суррогатов труда в забавах, спорте и т. д. Не отуманиваемый разными подделками под труд, производитель будущего общества будет охотно работать.

В частности, в современном рабочем классе имеется сложившаяся упорная привычка к труду и рабочий только тогда не ищет занятий, когда растерял в период безработицы свои физические и духовные силы.

В настоящее время нередко можно видеть скучающих в праздник рабочих — до того сильна у них привычка к труду. Мало этого, сама психика рабочих сложного и сложно — машинного труда, это — психика не только работающих, но и любящих свою работу людей .

Что касается отдельных лиц, которые не пожелают работать просто потому, что предпочтут ничего не делать, то, не говоря, разумеется, о больных духом или телом, которые и не должны работать, можно заметить, что с такими редкими явлениями можно и не считаться. Мы бы настаивали даже

*"Это не труд сам по себе омерзителен человеку, это не естественная необходимость усилия, которая является проклятием; это только труд, не производящий ничего — усилие, результатов которого он не может видеть. Трудиться изо дня в день и всетаки быть едва в состоянии существовать, это действительно тяжело; это подобно адскому наказанию, принуждающему человека выкачивать воду насосом, чтобы не утонуть или ступать по мельничному топчаку для того, чтобы не быть раздавленным. Но, избавленные от этой необходимости, люди работали бы только усерднее и лучше, потому что тогда они работали бы по указанию своих наклонностей; тогда они, кажется, действительно сделали бы что-нибудь для самих себя и для других. Разве жизнь Гумбольдта была ленивой? Разве Франклин не нашел себе занятия, когда он покинул ремесло наборщика с достаточной суммой, чтобы прожить на нее? Разве Герберт Спенсер рохля? Разве Микель Анджело рисовал из-за стола и одежды?" **Г. Джордж.**

на выдаче таким лицам полного, так сказать, пайка: во всяком случае для общежития выгоднее кормить нескольких лентяев, чем организовать учреждения, борющиеся с леностью мерами принудительного характера.

Приятно жить паразитствуя в настоящее время, т. е. тогда, когда паразитизм нередко связывается с богатством и уважением со стороны многочисленных холопов, но в обществе будущего и злейшим врагам своим нельзя пожелать жить, паразитствуя. В настоящее время существует патентованное, так сказать, право на леность. Жить ничего не делая и быть окруженным уважением — это нормальное положение дел в современных богатых классах общества. Структура последнего как бы приспособлена к тому, что бы создавать лентяев, паразитов — им же несть числа. В обществе же будущего паразиты займут подобающее им место.

Для тех, кто не убедился этими доводами, несмотря на их доказательность, можно заметить, что если паразитизм примет опасные размеры, то производители легко справятся с теми лицами, которые будут прикрывать свое нежелание работать вздорными предлогами.

Таким образом, в крайнем, строго говоря, невероятном случае — у общества производителей, будет в распоряжении очень тяжелое средство побудить паразитствующий элемент взяться за работу.

Говоря вообще, с социологической точки зрения, все разсуждения о лентяях, обижающих в будущем обществе прилежных, дышат такой бедностью мысли, сводятся к такой недопустимой аналогии между здоровой коллективной и больной индивидуальной психикой, что на них можно и не останавливаться.

А. А. Карелин

Апполон Андреевич Карелин, известный русский анархист вольно-общинник, родился в 1864 г.; умер 20 марта 1926 г. в Москве.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ДИКТАТУРА И СВОБОДНАЯ РОССИЯ

Прошло 30 лет со времени победы большевиков в России и установления ими "диктатуры пролетариата."

Великая русская революция, начавшись в феврале 1917 года ниспровержением ненавистного царского режима, в октябре вошла в фазу ниспровержения буржуазии и ликвидации капитализма. Многомиллионное русское крестьянство, долгое время жившее под тройным гнетом аграрного, политического и духовного рабства, ожило духом и развернуло свою мощь. Ему на помощь шел рабочий класс, связанный с ним родственными социально-политическими интересами.

Но крестьяне и рабочие не были единственными силами в революционной борьбе: к ним надо прибавить еще те угнетенные национальности (белоруссы, грузины, евреи, поляки ,украинцы), которых царское правительство всегда держало под сильным гнетом, и ту военную разруху, которая, начиная с 1914 года, держала Россию в состоянии постоянного недовольства, революционного брожения и протеста против царского режима.

За несколько недель до октябрьского переворота, его вдохновитель и политический вождь, Ленин, в брошюре "Удержат ли большевики государственную власть?", старался доказать, что если царь мог властвовать над Россией с помощью 130,000 дворян, то большевики с помощью 200 тысяч коммунистов наверное смогут удержать власть и управлять страной. Характерно само название брошюры. Главное в ней не то, смогут ли большевики осуществить свою программу, но удержат ли они в своих руках власть. В этом сказался весь большевизм. Для достижений этой цели: захвата власти, все средства были хороши и дозволены. И это красной нитью проходит через все 30-летнее царствование большевиков.

В политическом отношении теперешняя Россия представляет собой тоталитарное государство, разделенное на классы, которые пользуются неодинаковыми правами и привилегиями. Наибольшими правами в стране пользуются не рабочие и крестьяне, а члены коммунистической партии, разные "спецы," партийные и государственные чиновники. В стране нет демократических и гражданских свобод: свободы слова, печати, организации труда. Все это "буржуазные" идеи, подлежащие уничтожению; вместо них установлены цензура, сыск и шпионаж. Министерство Государственной Безопасности (МГБ) озабочено искоренением "вредителей" и "неблагонадежных." В стране также

нет свободы обучения и образования, ибо во всех учебных заведениях преподается и проповедуется лишь то, что компартия считает для себя выгодным.

В экономическом отношении рабочие лишены права забастовки. Забастовка — государственное преступление. На заводах и фабриках, в шахтах и мастерских введена система рабского труда, подрывающая силы и здоровье рабочих. В индустрии рабочие прикреплены к предприятиям и не имеют права оставлять их. В результате хозяйствования большевиков население влачит нищенское существование, отягченное к тому еще и повсеместным голодом, главными причинами которого являются засуха, разоренное войной сельское хозяйство и паразитизм государства, пожирающего львиную часть рабоче-крестьянсткого труда. Крестьяне, составляющие большинство населения и горше всех испытывающие нужду и лишения, прикреплены к колхозам.

На службу индустриализации поставлены образование, наука, литература и мораль. Система образования носит классовый и узко-партийный характер. Образование доступно не столько трудящимся, сколько привилегированным группам и членам коммунистической партии. Наука сделалась достоянием и монополией правящих коммунистов. Литература находится в рабской зависимости и служит "генеральной линии" партии.

* * *

Пакт, заключенный между Сталиным и Гитлером в августе 1939 г., произвел потрясающее впечатление на всех прогрессивных людей мира. Этот пакт развязал руки злейшему врагу рабочего класса и социализма— Гитлеру, который намедленно вверг мир в войну. На основании договора с Гитлером большевики начали укрепляться в Прибалтике и Восточной Польше. Началась советизация этих стран методами насилия и террора: страны были ограблены, хозяйство разрушено, а население доведено до отчаяния и нищеты. Обещанная неприкосновенность национальной независимости была грубо нарушена и все прогрессивные и социалистические элементы были арестованы и увезены в Россию на каторжные работы.

Любовный роман Гитлера-Сталина, как известно, закончился кровавой войной: в июне 1941 г. Гитлер напал на Россию и в короткий срок одержал ряд крупных побед. Эти победы привели страну почти к полному разрушению. На полях России пали миллионы солдат; десятки тысяч деревень и сёл были сожжены; сельское хозяйство и промышленность почти замерли. Но военное счастье изменило Гитлеру, германские войска, теснимые союзными силами начали терпеть поражения, приведшие к сокрушению гитлеровской Германии.

Первые два года послевоенного периода правительство СССР посвятило усиленной борьбе за расширение "сфер влияния," за освоение новых территорий. Сталинская агрессивная политика ведется в трех направлениях: политически она стремится создать сильную советскую империю путем присоединения к СССР стран, попавших в его сферу в результате военных побед. Это достигается различными мерами: слиянием коммунистических и социалистических партий в "единую рабочую партию," в которой хозяевами являются коммунисты; терроризированием всех остальных политических групп; выставлением на выборах единого списка кандидатов и т. д.

Экономически СССР стремится подвести прочный фундамент под создаваемую империю. Из всех стран, оккупированных красной армией, вывозится сырье, машины, оборудование фабрик и т. д. Целью этой политики является не только стремление поживиться за счет побежденных, но и ослабить экономику оккупированных стран.

Стратегически СССР стремится обеспечить себе такие позиции, которые облегчили бы ему защиту своих границ от иностранного нападения, и в первую очередь со стороны своих прежних союзников — Англии, Америки и Китая. С этой целью правительство усиленно проводит программу вооружения и строит ряд военных баз. Кремлевская олигархия, не считаясь с положением народа, мечтает распространить свое влияние на Европу и Азию. Эта политика, если она будет проводиться настойчиво, приведет к войне с С. Ш. т. е. к третьей мировой.

* * *

Вся политическая история России — от князей и царей до большевиков — наглядно показывает верность анархического утверждения, что власть портит человека — портит идейно и морально. Это проповедывали лучшие мыслители и борцы России, как М. Бакунин, П. Кропоткин и Л. Толстой. Во имя власти всегда проделывались и теперь проделываются самые худшие беззакония, жестокости и несправедливости. Поэтому власть — всякая власть, в какой бы форме она ни проявлялась — должна быть уничто-

жена. Ее место должно занять свободное, безвластное общество.

В представлении свободных коммунистов, будущая форма социальной жизни России должна покоиться на системе самоуправляющихся и федеративно-объединенных организаций, среди которых производственно-потребительские кооперативы рабочих и крестьян займут главное место. Эти свободные организации наладят производство, организуют самозащиту труда, охрану границ, фабрик, заводов и вообще всех революционных завоеваний. Они также установят разумное и равенственное распределение труда и довольства, руководствуясь справедливым принципом: от каждого по способностям, каждому по потребностям.

Л. Липоткин

ПАМЯТИ САККО И ВАНЗЕТТИ

Более 20 лет тому назад в штате Массачузеттс были казнены на электрическом кресле два итальянских анархиста — Никола Сакко и Бартоломео Ванзетти, которых пристрастный судья приговорил к смерти по ложно возведенному на них обвинению. Это дело вопиющей несправедливости возбудило общественное мнение во всех странах мира, откуда посыпались протесты.

Как известно, в 1919 и 1920 годах по Америке прокатилась волна истерики против "красных," которая перешла затем в форменные погромы и разгромы рабочих и радикальных организаций. В американской истории они известны под именем Палмеровских погромов, от которых пострадали десятки тысяч эмигрантов, в том числе и несколько тысяч русских, из которых многие были депортированы. В эти истерические годы свирепствовали агенты министра юстиции Палмера. В 1920 г. они схватили Сакко и Ванзетти и пришили им уголовное преступление — убийство артельщика, которое ими не было совершено. Дело Сакко и Ванзетти длилось 7 лет, в течение которых велась борьба Справедливости и Правды против заговора реакции, воплощающей бессовестность и зло.

Вопреки многочисленным протестам и петициям всемирно известных лиц, как Анатоль Франс, Ромэн Роллан, Мария Кюри и т. д., петиции, подписанной 500,000 американских граждан, вопреки демонстрациям, устроенным почти в каждой столице отдельных стран и во многих крупных центрах против злодеяния американской реакции, последняя твердо решила покончить с двумя анархистами. Это решение выявилось в словах Германа Мак-Дональда, секретаря губернатора штата Массачузеттс Алвана Фуллера, воплощавшего собою темную реакцию: "Думаете ли вы, что мы придаем этому какое-либо значение? Они (петиции) приходят к нам целыми ворохами (баррелфул) и мы сейчас же бросаем их в огонь."

В день казни Сакко и Ванзетти, 23 августа 1927 года, были рабочие демонстрации в крупных городах на всех пяти материках, а записка, вложенная в каждый журнал в Бостонской библиотеке, гласила: "Сегодня Сакко и Ванзетти, мечтатели о человеческом братстве, которые надеялись, что оно может быть найдено в Америке, были покараны жестокой смертью детьми тех, которые убежали в эту страну в поисках свободы."

Злодеяние было совершено. Реакция торжествовала победу. Судья, министр юстиции и губернатор Мэссачузеттса "прославились" и, гордые своим достижением, готовились к продвижению на политическом поприще. Однако, убийство Сакко и Ванзетти было концом их карьеры: они бесславно исчезли с политического горизонта.

По случаю 20 годовщины казни Сакко и Ванзетти Комитет Защиты опубликовал манифест, который подписали 150 видных американских либералов, в том числе г-жа Эленора Рузвельт, бывший администратор цен (ОПА) Леон Хендерсон, бывший губернатор штата Нью Иорк Херберт Лиман, сенатор от штата Орегон Вэйн Морз, депутатка от штата Калифорния Хелен Доглас, её муж ,артист Мелвин Доглас, председатель объединенных профсоюзов КИО Филип Морри, сын покойного президента Франклин Рузвельт, канцлер Чикагского университета Роберт Хотчинс, председатель профсоюза авторабочих Волтер Рютер и т. д. Манифест отмечает, что "20 лет, прошедшие со дня казни Сакко и Ванзетти, принесли миру массовую бойню людей, что борьба за спасение жизни Сакко и Ванзетти имеет особое значение для последней декады, когда уничтожение 6 млн. евреев, кроме миллионов других национальностей, вызвало гораздо меньше страстных протестов, чем судьба Сакко и Ванзетти." Манифест призывает к борьбе со всякого рода тиранией и за справедливость для каждой отдельной личности.

Бостонский Комитет возбудил ходатайство перед губернатором штата Массачу-

зеттс Робертом Брадфордом разрешить поставить в городском парке "Бостон Коммон," изготовленный скульпт. Борглумом бронзовый барельеф Сакко и Ванзетти, на котором они изображены в профиль, лицами к руке с весами, показывающими перевес архаических законов над правосудием, и со словами Ванзетти: "Чего я больше всего желаю в последний момент моей жизни, — это то, что бы наше дело и наша судьба могли быть поняты в их подлинном смысле и послужили ужасным уроком для сил свободы так, чтобы наши страдания и смерть не были напрасны."

От имени Комитета Артур Шлезингер, профессор истории Харвардского университета, посетил 3 октября 1947 г. губернатора Брадфорда и предложил принять барельеф Сакко и Ванзетти. В своих доводах Комитет указал, что ныне мир разделен на два лагеря: одни верят в диктатуру, а другие в методы демократии, поэтому надо сопротивляться всем приёмам, попирающим свободу, как справа, так и слева, внутри страны и за её пределами. Борьба за судьбу Сакко и Ванзетти, жертв реакционной истерии, является живым примером для молодого поколения, стремящегося сохранить и расширить гражданские свободы. Губернатор отказался принять барельеф на том основании, что он, во-первых, не имеет власти поставить памятник Сакко и Ванзетти в городском парке и, во-вторых, еслибы и имел, был бы против в настоящее время.

В заключение напомним слова Ванзетти, сказанные им после вынесения смертного приговора: "Еслибы не это дело, я, может-быть, прожил бы всю жизнь безвестным и умер бы ничем не отмеченным, но теперь мы не безуспешны. Никогда в жизни мы не надеялись сделать такую работу для терпимости, правосудия и понимания человека человеком, как это мы делаем сейчас по случайности. Наши слова и наши боли — ничто, но лишение жизни доброго сапожника и бедного рыбопрадавца — всё! Последний момент принадлежит нам, наша смерть — наш триумф."

Обозреватель

Русско-Американское Кооперативное Общество

Кооперация является одним из способов избавления трудящихся от эксплоатации разными стяжателями и приближением к социальной справедливости. Свыше четверти века назад в Детройте собралась группа русских людей из бывших крестьян и открыла ресторан на кооперативных началах. Из-за отсутствия надлежащего опыта дело шло не совсем гладко, но с течением времени вырабатывался постепенно необходимый опыт и ресторанное дело кооператива наладилось.

Кооперативное Общество тратило много денег на закупку провизии у частников, которые драли, сколько могли. Чтобы хоть отчасти избавиться от корыстных господ, Кооперативное Общество купило 4 августа 1945 года фарму в 266 акров за 68,250 долларов. Земля оказалась доброкачественной и родит в изобилии зерновые злаки и корнеплоды. На фарме имеются коровы, лошади, свиньи и домашняя птица. Фарма вполне оборудована необходимыми с-х орудиями и обрабатывается своими силами, и ресторан ныне потребляет продукты из своей фармы, на которой Общество устроило у собственного озера купальный пляж с площадкой для удобства купающихся и танцевальный зал. Для пикников и отдыхающих имеется курортный дом. В ближайшем будущем планируется постройка газолиновой станции, туристских кабин и большого ресторана. Через владения фармы проходит из Детройта в штатную столицу Лансинг большая автострада — "Гренд Ривер," которая связывает густо населенные промышленные центры с кооперативной фармой.

Русское Кооперативное Общество не только кормит рабочего свежей, здоровой питательной пищей, но и духовной посредством устройства докладов и лекций на самые разнообразные темы и отпуском из своей библиотеки книг для чтения. Кроме того, Общество ежегодно ассигновывает ту или иную сумму денег на рабочую печать и на другие гуманитарные цели. В прошлом году Общество ассигновало на журнал "ДТП" сто долларов. На протяжении ряда лет оно выдает нескольким своим членам регулярное денежное пособие, а один потерявший зрение, всегда пользуется даровыми обедами.

Наши русские крестьяне приспособились здесь к жизни и, повидимому, умрут здесь, так как двери на родину наглухо заколочены для них комдиктатурой Сталина и Ко. Любой бедуин, принявший американское гражданство, может ехать в свою "бедуинию" и вернуться назад в Америку, но только не мы, русские. Печально, до какой оголтелости докатились нынешние "р-р-революционные правители" России.

Детройт, Мичиган **П. Гаврилюк**

СВИДЕТЕЛЬСТВА АЛЕКСЕЕВЫХ

Невозвращенец Кирилл Алексеев, 37 лет, окончил горный институт в Москве. Участвовал в постройке крупнейшего в СССР завода, затем работал главным инженером на военных заводах, потом был назначен главным инженером треста, объединяющего крупнейшие заводы авиопромышленности, и, наконец, в апреле 1944 г. был командирован в Мексику на пост коммерческого атташэ совпосольства. Жизнь заграницей открыла глаза Алексееву: он убедился, что совправительство стремится изолировать русский народ от остального мира и в целях изоляции пытается разжечь в русском народе ненависть ко всему иностранному.

"За время моего пребывания заграницей, — говорится в заявлении Алексеева, — я понял всю чудовищность лжи, распространяемой советским правительством в России о 'зверской эксплоатации рабочих в капиталистических странах.' Всю жизнь я работал на благо русского народа, которому глубоко предан. Но постепенно мне стало ясно, что моя работа, как и работа всего русского народа, приносит пользу только режиму, а не народу. Никакой народ в мире так не эксплуатируется и не порабощен так режимом, как народы СССР.

"Даже близко стоящие к диктатору лица, в чьих руках жизнь миллионов русского народа, не чувствуют себя в безопасности. Они знают, что их собственная судьба зависит от изменчивых настроений диктатора. Вот почему огромное большинство русского народа, в том числе и большинство коммунистов, даже ближайших к правящей головке, страстно ненавидит советский режим."

Алексеев не желает возвращаться на родину потому, что, "вдохнув живительного воздуха свободы, он не хочет оказаться снова в диктаторском аду." Из Мексики он переехал с женой и двумя детьми в США, где нашел приют у друзей адвоката Мартина Ричмонда, взявшего под свою защиту нового невозвращенца, все еще опасающегося за свою жизнь. Его жена Нина рассказывает в июньской книжке "Ридерс Дайджест,"* как они, Алексеевы, принадлежавшие по своему положению к привилегированному классу в "советском бесклассовом" обществе, жили в СССР.

Несмотря на то, что Алексеевы зарабатывали в 5-10 раз больше квалифицированного соврабочего, они были так бедны и переутомлены работой, что простая жизнь среднего американского рабочего показалась им роскошью. Их семья, состоящая из пяти душ, ютилась в одной комнате размером 10 на 13 метров. Вместе с двумя другими семьями, состоящими из 12 душ и занимавшими тоже по одной комнате на том же этаже дома, они пользовались маленькой кухней и уборной.

Для хозяйки дома рабочий день начинался с 5-6 часов утра, чтобы пораньше стать в очередь у ближайшей лавки с надеждой достать что-либо из овощей или кусок хлеба, так как рационы выдаются всегда в обрез. Вернувшись с базара, хозяйка готовит завтрак, который обычно состоит из сухого хлеба и вскипяченной на примусе (керосинке) воды, называемой "чаем." Затем идет часовое путешествие на работу в набитом до отказа трамвае, крепко пахнущим человеческим потом. "Ответственный работник" обязан работать сверх-урочные часы. Потом он возвращается домой, где накопляется то мойка белья, то чистка, то починка одежды. Все это делается в полутьме и взрослые говорят шепотом, чтобы не разбудить детей.

Говоря о детях, Алексеева вспоминает, что она видела на Украине, где была проведена насильственная коллективизация крестьян и разрушены основы семейной жизни, сотни тысяч невинных детей, превратившихся в бездомных, голодных, болезненных попрошаек, которые, едва прикрытые тряпьем, немытые и грязные, стаями бродили по Руси, выпрашивая милостыню, часто воровали или грабили и умирали, как мухи. Лучшим средством борьбы с детской преступностью совправительство признало — смертную казнь для тех из них, которые достигли 12-летнего возраста.

Русским детям бросается в глаза подчеркнутое классовое неравенство в так называемом "бесклассовом обществе," разящая несправедливость и гнусный вымысел, которым правители клеймят заподозренных, именуя их "врагами народа." Чем старше становятся дети, тем больше доискиваются они подлинной правды, которую нельзя открывать им в тоталитарном полицейском государстве. Алексеева заключает свой рассказ следующими словами:

"Лучшее, чего могут достигнуть дети, выросшие в СССР, — это быть погонщиками рабов, если они войдут в класс правящих, а худшее — станут рабами. Ни то, ни другое не достойно свободных людей."

* Я не хотела, чтобы мои дети росли в сов. России."

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ХРОНИКА

ПОРТУГАЛИЯ

Подпольное Синдикальное Движение

20 лет фашистской диктатуры в Португалии не смогли разбить Главной Конфедерации Труда, португальской секции Международного Товарищества Рабочих. Диктатура загнала движение в подполье, но не уничтожила его. Красноречивым доказательством тому служит выпуск майского номера журнала "Борьба" — органа ГКТ.

На первой странице имеется манифест Главной Конфедерации Труда, в котором она призывает рабочих настаивать на своих справедливых требованиях и бороться против хозяев и фашистской тирании Салазара до победного конца; бороться против голода и нищеты, против притеснения и поповской нетерпимости, за солидарность рабочих и за прямое революционное действие.

"В день 1-го мая, — говорится в манифесте, — рабочий класс должен поднять оружие во имя освобождения эксплуатируемых и в знак протеста против ссылки наших товарищей и против тюрем диктатуры. Да здравствует генеральная забастовка, прямое революционное действие, Португальская ГКТ!"

АНГЛИЯ

Большевистские Приёмы

В органе Федерации Анархистов Великобритании "Прямое Действие" за Сентябрь 1947 г. и в органе антипарламентарных социалистов "Слово" за тот же месяц изложены приёмы английских компартийцев, которые хорошо известны русским, но до сих пор не были известны в Англии. Они имели место на Трафалгар Сквэр в Лондоне во время "антифашистского" митинга, устроенного компартией под личиной "Ассоциации Интернациональной Бригады." Главным оратором был выставлен "генерал Листер" — сталинский агент, отличившийся злодеяниями в Арагоне, Испания:

Перед началом выступления Листера присутствовавший на митинге секретарь Федерации Анархистов Великобритании Кен Хокс спросил его: "Что вы делали в Арагоне?" Полиция, охранявшая сталинских агентов, признала этот вопрос "вмешательством" и приказала проходить. Затем один из адъютантов Листера заявил полиции, что Хокс будто бы "угрожал" ему и потребовал его ареста.

По окончании речи "ген. Листера" присутствовавшие на митинге представители испанского освободительного движения передали на трибуну записку с просьбой предоставить им на несколько минут место на трибуне, чтобы сказать и свое слово против фашистов. Так как в это время испанские либертарии распространяли листовку с изложенными в ней фактами контр-революционной деятельности в Испании "ген. Листера," то обозленные этим сталинские агенты их просьбу отклонили. Председательствовавший Сэм Вилд нагло, по-диктаторски, заявил:

"Наши друзья или, мы скажем, враги просят место на трибуне. Я не знаю почему анархисты или, мы сказали бы, фашисты должны высказываться с трибуны . . ."

В это время шесть рослых компартийных хулиганов набросились на Хокса и измяли его. Одного из шести, сидевшего на спине у Хокса, стянул Рэймонд Оптон. Хокс освободился, но в тот же момент на него навалились другие сталинцы и повалили на земь. Сейчас же подошел полицейский и заявил: "Хорошо, я покончу с ним." Он стал коленями на живот Хокса, которого потом арестовал. Затем схватили и Оптона. Арестовали также и одного сталинца, но его полиция отпустила.

На суде полиция заявила, что Хокс кричал и дрался с окружающими его и поэтому, чтобы преодтвратить серьёзные последствия, он был арестован. Однако, на перекрестном допросе полиция признала, что никто из полицейских не видел начала драки. Судья поверил словам полиции и оштрафовал потерпевших по 10 фунтов, которые были внесены испанскими товарищами.

Рэймонд Оптон, который, как сознательный антимилитарист, был осужден и отбыл 12-месячное тюремное заключение, в своем письме добавляет, что анархическое движение в Англии усиливается. Сейчас в Лондоне имеются 4 группы. Анархисты пользуются тёплым приемом в Хайд Парке, где каждое воскресенье выступают с трибуны шесть молодых ораторов.

Кто такой Листер?

Объявляя о своем митинге компартия в

Англии распространила летучки, в которых называла Энрика Листера "знаменитым испанским республиканским генералом." Листовка, выпущенная 26-го июля 1947 г. от имени Национальной Конфедерации Труда Испании, Федерации Анархистов Иберии и Иберийской Федерации Юных Либертариев в Великобритании, опровергает эти голословные утверждения и говорит, что Листер — не республиканец, не совсем испанец, хотя родился в Испании, и не генерал. Во время гражданской войны в Испании Листер прославился тем, что уничтожал всех, кто не принадлежали к компартии.

Листер никогда генералом не был, лишь в марте 1939 г. под давлением совет. представителей и, благодаря безответственности Негрина, последний произвел его в полковники. Он — не республиканец, потому что ни один коммунист не может быть республиканцем: "республиканец" — это коммунистическая маска, чтобы ввести в заблуждение неосведомленных людей. Под этой маской росла испанская компартия, получившая поддержку от известных "республик." Листер — коммунист и поэтому он скрывает свое лицо. Он родился в Испании, но он не испанец, потому что его действия не проявляют в нем испанца. Франко — испанец тоже, но он предпочел Муссолини и Гитлера интересам Испании.

Энрик Листер, подобно многим другим коммунистам, был "командиром" в испанской антифашистской армии не потому, что он обладал какими-нибудь военными способностями, популярностью или отличием на поле брани, нет, а только благодаря советскому давлению. За оружие, которое приходило из черно-морского порта, было уплачено наперед испанскими золотом; вторая плата заключалась в назначении коммунистов командирами республиканской армии: пароходы, приходившие в испанские воды с оружием для республиканской армии, оставались неразгруженными до тех пор, пока не заканчивались благоприятно переговоры о назначении командиров.

Наиболее ярким актом Листера был его поход против коллективных фарм в Арагоне, которые он громил с большей ожесточенностью, чем фашисты, и только потому, что они не были под большевицким контролем. Войну Листер вел на домашнем фронте. В активе Листера многие убийства антифашистов, которые не соглашались с политикой компартии. Таков этот "славный генерал," взбирающийся на трибуну на площади Трафалгар вместе с другими "защитниками единства рабочего класса" под водительством "объединенной партии," чтобы защитить свободу Испании. Но почему Листер требует свободы только для подданных Франко, и не требует освобождения испанских моряков, привезших испанское золото в СССР и немедленно сосланных совправительством в концлагери?

Свободническое движение не может быть безразличным к двурушничеству коммунистов: долг обязывает сказать перед английским народом правду, чтобы он знал, кого Листер представляет. Испанский народ в повседневной борьбе с полицией Франко не может говорить за себя, поэтому мы говорим за него: испанский народ хочет большего, чем сменить одну диктатуру другой. Компропаганда старается обмануть мир в отношении подлинных чувств испанского народа, который настолько же против большевизма, насколько он против фашизма. Агенты компартии не имеют морального права говорить об освобождении испанского народа: он отвергает лицемерную защиту тех, которые желают поработить его. Как он борется против тирании Франко, так он будет бороться против всякой попытки коммунистов установить над ним свою диктатуру.

Рабочие Великобритании, поймите, кто такой Листер и какова его миссия! Подлинные друзья антифашистской Испании, помогите нам завоевать свободу для Испании! Мы нуждаемся в вашей искренной, честной помощи, но не в маневрирующих вымогателях из компартии и их попутчиков! Долой Франко и все диктатуры!

("Direct Action")

Дело реорганизации в Чили

Последний номер свободнического журнала "Жермен," полученный Секретариатом МТР, дает подробный отчёт о реорганизационной работе, проводимой либертариями в Чили, где анархисты и синдикалисты проявляют большую деятельность.

Свободническое движение в этой стране проникнуто духом оптимизма. Кризис марксистко-большевитского коммунизма и натянутое положение во внутренней политике оживляют деятельность наших активистов.

Временный Национальный Совет Главной Конфедерации Труда, для облегчения дела реорганизации, выпустил бюллетень. Совет разделил страну на зоны; в каждой зоне организуется местная федерация. Две комиссии находятся в постоянном разъезде.

ФРАНЦИЯ

Резолюция Европейской Анархической Конференции

Интернациональная Анархическая Конференция, состоявшаяся в Париже 12-14 февраля 1947 года, приняла следующие резолюции:

Принимая во внимание мнение представленных на Конференции активных интернациональных работников, что в большинстве главных стран Европы еще не оформилось точное отношение организаций к интернациональному плану;

Принимая во внимание, что основной задачей Конференции является — заложить фундамент для практической работы по налаживанию связи (информация, дискуссия и солидарность между анархическими группами мира), пока Международный Конгресс не выработает программы органических основ, общих всему движению в целом.

До созыва Конгресса эта работа будет вестись Временным Секретариатом Связи. В задачи Секретариата будет входить оживление интереса анархистов к интернациональным проблемам, восстановление связей между товарищами различных стран и выдвижение идеи интернациональной федеративной организации. Секретариат, который позднее будет избран другой Конференцией, будет находиться в Париже и состоять из трех членов, несущих коллективную ответственность. На Секретариат возлагается выполнение трех весьма важных задач:

1. Подготовить Конгресс и выработать порядок дня, опираясь на полученные от различных организаций предложения и проекты, а также установить интернациональную связь анархического движения в целом.
2. Собирать, переводить и распространять документы и информацию, имеющие международный интерес.
3. Кооперировать в востановлении движений, распыленных войной и диктатурами, оказывать им моральную солидарность или экономическую помощь, снабжать их средствами пропаганды и информации, необходимыми при реорганизации начальных организационных каналов в странах, где они еще не существуют.

Секретарит обзаведется нужными сотрудниками и будет поддерживать постоянную связь с различными секциями движения через делегатов, специально назначенных для этой цели организациями.

Подготовка созыва Конгресса будет состоять в издании и рассылке циркулярных писем существующим группам и, в согласии с группами, в установление даты Конгресса, который должен быть созван в близком будущем.

Задача информации будет состоять в издании, по возможности на многих языках, Бюллетеня, составляемого в сотрудничестве с уполномоченными на эту работу своими организациями товарищами и с помощью лиц различных стран, заслуживающих доверия.

Работа по созыву Конгресса должна финансироваться в порядке обязательных взносов каждой организацией, согласившейся участвовать в подготовке Конгресса, причем, размер взносов определяется добровольно каждой организацией, а также пожертвованиями, марками и прочее.

Информация будет финансироваться подпиской на Бюллетень, цена которого будет устанавливаться соответственно расходам.

Ко всем товарищам будет сделан призыв о создании архивов, а также о сборе комплектов по вопросам социальным, интернациональным и в особенности анархическим.

Общая деятельность Секретариата будет протекать под контролем Французской Анархической Федерации, а индивидуальная деятельность Членов Секретариата — под контролем организаций, которые они представляют.

Временный Секретариат, в целях подготовки Интернационального Анархического Конгресса, немедленно приступает к разрешению задач, связанных с созывом этого Конгресса.

Испанские республиканцы на советской каторге

Бывший министр испанского республиканского правительства Рафаил Сангез-Герра опубликовал в еженедельнике "Каррефур" не лишенную пикантности статью об испанских республиканцах, томящихся на советской каторге.

Испанцы эти являются преимущественно военными летчиками, прибывшими в свое время в СССР для усовершенствования в деле воздушной войны, и моряки, снятые с испанских пароходов, почему-то задержанных в одесском порту в 1939 году.

Сангез-Герра называет, кроме того, доктора Хуана Боте, каталонского происхождения, прибывшего в СССР в 1938 г. с партией беженцев-детей. Все эти лица, числом около 60-ти человек, находятся сейчас в лагере в Караганде.

Сведения о них были получены министром в прош. декабре от Франц. Борнэ. Он тогда же обратил на это внимание тогдашнего главы испанского заграничнаго правительства, который обещал принять меры к освобождению арестантов.

В марте месяце Сангез-Герра вновь получил сведения, что в положении несчастных его соотечественников в Караганде не произошло никакой перемены. Не будучи уже сам министром, он все же обратился к возглавлявшему правительство г. Ллопису, который обещал снестись с одним из своих министров-коммунистов, г. Уриба. Впоследствии Сангез-Герра сам написал Уриба, но не удостоился ответа. Ныне он решил высказать свое возмущение на страницах французской печати. ("Русская Мысль" Август 9, 1947).

КНИГА ВОЛИНА

В Париже вышла в свет книга покойного тов. Волина "La Revolution Inconnue" ("Неизвестная Революция") 1917-1921." Книга представляет собой большой том в 690 страниц, разделенный на три отдела.

Первый Отдел — "Зарождение, развитие и триумф революции" — распадается на три части. Первая часть — краткий исторический очерк революционной мысли и движения с 1825 г. по 1905 год. Вторая часть посвящена революции 1905 года. Третья часть — войне и революции 1917 года до большевистского переворота.

Второй Отдел книги — "Большевизм и Анархия," — разделенный на пять частей, посвящен октябрьскому перевороту, отношению к нему большевиков и анархистов, после-октябрьскому периоду, большевистским репрессиям и общей характеристике большевицкого государства.

Третий Отдел посвящен Кронштадтскому восстанию и Махновщине.

"Друзья Волина" (издатели) выражают надежду выпустить второй том "Неизвестной Революции," который будет содержать заключение данной работы, приложение документов, неизданные этюды и некоторые брошюры т. Волина, которые вышли из обращения.

Желающие приобрести книгу Волина должны обращаться с заказом по адресу:

"Les Amis de Volin"
9 Rue de L'Esperon, 9,
Paris, VI (Seine)
France.

ПОЛОЖЕНИЕ ИСПАНСКИХ БОРЦОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЛАГЕРЕ МАССАБИ

Это недалеко от Монтебана, а от Монтебана до Тулузы — час езды. Тулуза большой культурный город Франции.

Да, "Испания кровью залитая и всеми забытая," как было сказано на страницах "ДТ." Единственная "вина" испанских борцов, которые задержали на два года нашествие гитлеризма на остальную Европу, только в том, что они не умерли на боевом посту, но больные и искалеченные остались живыми.

"Агония переживших войну" наззвал Артур Адамов свою статью ("Комба," 4-8-47 года). Он прав! Он видел железные бараки, отрепья, скелеты живых людей. Все они калеки, тяжело больные или сумасшедшие. Душевно здоровые живут вместе с душевно больными. Эти испанцы — первые жертвы нацизма. Адамов кричит, что нужно для этих людей что-то сделать, которые всеми позабыты с 1938 г.

Адамов останавливается на истории жизни Матта. Он прошел через целый ряд лагерей, вплоть до Бухенвальда, и от невероятных страданий лишился рассудка. Другой испанский жилец лагеря Крюз рассказывал Адамову, как он, находясь в лагере Артелес, спя на песке (в этом лагере все спали на песке) в тени барака, был разбужен криками избиваемого Матты: "Я голоден! Я голоден!" У Матты рот был набит песком и песок хрустел между зубами. Он был отправлен в больницу. И все же, несмотря на такое его состояние, наци отправили его в Бухенвальд, как политического.

Во время рассказа Матта проснулся, ухватился за бревно и закричал: "Я разобью весь мир. Никакой фашист не устоит против меня."

Шеф лагеря писал всюду, куда только мог, и взывал о помощи для испанцев. Ответов не последовало. Было получено лишь 10 фонарей. Вот и все. Только одни квакеры из Монтебана немного помогли. От помощи местного деревенского священика испанцы по идейным соображениям отказались. Шеф лагеря обращался и во "Французскую Взаимопощь." Должно сказать, что в этой организации сидят главным образом коммунисты. Люди из организации "Взаимопомощь" ответили, что они охотно готовы придти на помощь, если получат средства от министерства! На этом их помощь и кончилась.

Нужно в месяц 4000 франков, чтобы эти люди зажили человеческой жизнью, без этой

помощи они умрут. Некоторые из них еще могут быть полезными членами общества. Адамов считает, что дело помощи этим людям не дело благотворительности, а "дело долга, чести и суровой ответственности каждого француза."

Добавим, и не одних французов. Думаю т. Максимову необходимо выступить со своим сильным и талантливым словом в защиту пострадавших испанских борцов, как он недавно кровью сердца заступился за голодный русский народ.

Положение испанцев по-истине трагическое. Молодые и ремесленники еще кое-как устроились. Но им очень, очень тяжело. Помимо своих родственников, они содержат еще кого-либо из своих больных товарищей. Но огромное большинство из них предоставлено самим себе, или находится в лагерях и больницах. За два года жизни во Франции я не только видела много физически и духовно надломленых испанцев, но и очень много слышала об их трагическом положении от других товарищей.

Для иллюстрации хочу остановиться на ярком примере одного испанского анархиста. Когда я его впервые увидела, это был живой скелет и казалось не жилец на свете. Был апатичен и совершено опустившийся человек. Целыми днями он мог просидеть сложа руки, нечего не делая. Если его не звали — он мог не кушать целыми днями. Но, когда люди насмехались над ним или раздражали его, он хватался за нож. Этому скелету на вид было не меньше 75 лет, на самом деле ему было только 55 лет.

В Испании он был учителем и агитатором. Сидел в тюрьме за свою жизнь 32 раза. Был знаком с Дурутти. Принимал активное участие в гражданской войне вместе со всей своей семьей. Его жена погибла от осколка граны в голову. Дочь до смерти замучили франкисты. Сын тоже попал в плен к Франко и что с ним стало, ничего не известно. Во Франции он сам был в нескольких лагерях. В одном лагере кормили одной лишь свеклой и заедали вши. И по сей день остались у него на шее следы от вшей. Затем он два года пролежал в одной французской больнице. Еле оправившегося его выписали из больницы и 6 месяцев он был на содержании нескольких товарищей. Затем он попал в дом для престарелых. Здесь нашлась душа, которая заинтересовалась им. Стала, как ребенка, приучать во-время вставать, умываться, пить кофе не из заржавленой консервной банки, а из кружки, разумно отдыхать, гулять, читать, писать. Вначале более 10 минут он не мог ни на чем сосредоточиться. Написать коротенькое письмо для него требовалось пол-дня, и это было настоящим мучением. Прошло 8 месяцев и этот человек мог зарабатывать не только на хлеб насущный, но и стал секретарем Федерации Анархистов в одном из городов во Франции.

Этот факт показывает, что можно многое сделать при большом желании и при очень малых возможностях. Если мы друг другу не поможем, то кто же нам поможет?

А. Ш.

* **От Редакции "ДТП":** Как только установилась возможность сношений с освобожденной Францией, Фонд Помощи имени покойного Александра Беркмана немедленно установил контакт с некоторыми испанскими группами Франции и ее африканских колоний, в том числе и с инвалидами Массаби. С тех пор Фонд регулярно оказывает им помощь, главным образом, продовольственную.

Вначале посылки шли на имя отдельных инвалидов с просьбой поделиться с другими нуждающимися товарищами. Затем инвалиды лагеря Массаби организовали распределительную комиссию и с этого момента посылки идут на имя членов этой комиссии, которая их распределяет и находится в постоянном контакте с Фондом Помощи им. Беркмана. Фонд, конечно, оказывает помощь только членам Национальной Конфедерации Труда и Иберийской Федерации Анархистов. Он вынужден делать это по двум причинам: 1) Членам радикальных организаций никто не хочет помогать; 2) Ограниченность финансов не позволяет Фонду расширить поле своей деятельности. Однако, несмотря на это, Фонд время от времени оказывает помощь инвалидам и других политических возрений. Вообще же, Фонд предоставляет получателям распределять получаемое продовольствие по их собственному усмотрению.

БРАЗИЛИЯ

РИО ДЕ ЖАНЕЙРО. — За последний год здесь начало расширяться анархическое движение. Уже второй год продолжает выходить анархическая газета "Acao Direta" ("Прямое Действие"), а в апреле и мае начали выходить "Archote," "Spartacus," "A Plebe." Первые два новых органа анархической мысли издаются в Рио де Жанейро, а последний — в Сан Пауло. В № 35 "Прямого Действия" от 16 мая 1947 г. было помещено обозрение анархической печати в Бразилии. В нем указывалось, что газета "O Archote" является органом бразильской либертарной молодежи из соседнего города Натерой. Другой орган анархической молодежи в Бразилии — "Спартак," выпускаемый переодически на 4 страницах.

Газета "A Plebe" вышла в свет 1 мая, как было объявлено. Все анархисты Бразилии,

старые и молодые, ожидали её появления с большим нетерпением после черного периода национального фашизма. По соглашению товарищей Рио де Жанейро и Сан Пауло решено, что еженедельник "Прямое Действие" будет выходить двухнедельником 8 и 22, а "Плебе" — 1 и 15 каждого месяца, что даст движению еженедельно анархический голос.

В заключительной части был опубликован призыв Маркос да Коста (Родолфо), старого борца рабочего и анархического движения, который во время войны в Испании был насильно оторван от своей библиотеки-архива в Мадриде и теперь находится в Португалии. Он просит тех лиц, кто может и желает уважить его просьбу, помочь ему приобрести коллекцию или отдельные номера следующих газет: **"Револта" (Восстание) за 1919-20 гг., "Воз до Трабалядор" (Голос Рабочего)** за 1920 г., журнал "Реновесьон" (Возрождение) за 1921 г. и газету "Трабалядор" (Рабочий) за 1922-23 гг. Документы эти ему нужны, чтобы закончить историю рабочего движения в Бразилии. Его адрес: Rua Alefflandre Braga, 22 R/c dto. Lisboa.

Анархисты Сан Пауло и Кампанас открыли кампанию по борьбе с клерикализмом в Бразилии. Вырабатываются планы создания Федерации Анархистов в Бразилии. **И.**

ПАЛЕСТИНА

Свободные Еврейские Коллективы

Два типа еврейских земледельческих поселений процветают ныне в Палестине: одни основаны на кооперативных началах, т. е. земледельцы владеют клочками земли, которую они обрабатывают собственным трудом и выращенные продукты сбывают через кооперативы, а другие — на коллективных началах землепользования. Поселений последнего типа, т. е. добровольных коммун или коллективов, построенных на анархическом принципе: от каждого по способности и каждому по потребностям, насчитывается около 160 с членским составом в 45,000 человек.

Еврейские свободные коммуны в Палестине не являются затеей каких-нибудь фантазеров: большинство их членов — простые рабочие и люди интеллекта, главной целью которых является найти практический путь построения здорового общества.

В этих земледельческих коллективах нет ни денег, ни частной собственности, за исключением личных вещей. Имущество того или иного поселения принадлежит коллективу, но никому в отдельности. Члены же коллектива, являясь партнерами, имеют право на всё: они дают общине свой труд и взамен получают от нее удовлетворение своих нужд и потребностей, как пища, одежда, жилище и прочее:

Отличительной чертой этих коммун является то, что никто в них не пользуется привилегиями. Рабочие (мужчины и женщины) выполняют работы на полях, а неприятные домашние работы делаются по очереди. Вопросы коммуны решаются общим собранием всех членов коллектива. Административные функции выполняют секретарь и казначей или исполнительный комитет, но эти лица не освобождаются от тяжелых работ на поле. Кроме того, административные лица не могут занимать своих должностей более 2 лет, в тоже время они могут быть отозваны в любой момент общим собранием общины. Имеются также и отдельные комитеты, ведующие разными сторонами жизни коллектива, как комитет по наряду для выполнения полевых работ, комитет по защите поселения, комитет по личным нуждам или потребностям членов, комитет по культурной деятельности и по образованию детей и взрослых, комитет по здравоохранению и развлечениям и т. д.

Эти свободные еврейские коллективы начались 37 лет тому назад под владычеством Турецкой империи. Первые поселенцы были окружены враждебностью и нередко подвергались атакам со стороны арабов, науськанных политиканами. Ныне же эти общины преуспевают и дают своим членам более высокий уровень жизни, чем получает фармерский рабочий в любой стране мира, гораздо выше, чем в Америке. Дети коллективистов получают образование, какого не могут получить дети фармерских рабочих.

Многие арабы, видя на практике еврейских коллективистов, как они преуспевают, воспользовались их опытом и улучшили свое здравоохранение и обработку земли, потому что еврейские общины охотно делятся своими знаниями с соседями.

Базируясь на либертарных принципах, еврейские коллективы в Палестине, отбросив в сторону большевицкую централизацию, разрешили экономическую проблему с несравненно большей пользой для трудящихся, чем частный капитализм с его мотивами "прибылей."

("Freedom," No. 21, 18-X-47).

ГОЛГОФА БОЛГАРСКОГО АНАРХИЗМА

Судьба болгарского анархического движения тесно связана с судьбой болгарского народа: страдания и муки народа всегда предшествовали страданиям безвластнического движения. Страдали с народом и другие общественные движения, но репрессии против анархического движения всегда были симптоматичны для болгарского народа: когда анархисты преследовались или когда против них предпринимались меры с целью их уничтожения, — это значило, что последуют общие репрессии против народа, чего не прпиходилось долго ждать. С преследованием анархистов парализовывалось идейное просвещение народа, за которое анархисты первые навлекали на себя ненависть всякой тирании. Этим преследованиям подвергались другие народные организации.

Болгарские анархисты первые подымали голос протеста против экономического рабства и угнетающей политической тирании. Во дни неясно осознанной опасности они бросали народу предупредительный клич: "Граждане, свобода в опасности!" Они первые видели то, чего другие еще не могли видеть и предупредить тревожным кличем. Их призыв, хотя и душился всячески полицейщиной, доходил до народа во все решающие моменты новейшей истории. Поэтому паразиты всяких мастей спешили покончить с ними, задушить их голос, вырвать перо из их рук, погубить их или просто убить этих смелых трубачей и вестников грозящей опасности.

Гонения на анархистов всегда предвещают нечто зловещее и страшное для болгарского народа. Исключительные законы в 1909 году совсем не случайно совпали с подготовкой войны 1913 года, а массовый расстрел анархистов военной кликой в Ямболе расчистил путь для фашистского переворота 9 июня 1923 года, который стоил болгарским рабочим и крестьянам десятки тысяч жертв. За этими событиями последовал в 1924 г. закон о "защите государства," который установил в Болгарии длинную политическую ночь, годы мрачной безответственности и торжества правительственного произвола. Только 9 сентября 1944 г. болгарский народ вышел из этой непроглядной ночи, — увы, лишъ на 2-3 месяца, — пока новые мракобесы не надели ржавые цепи на его руки и ноги.

Теперь в Болгарии не осталось ни одного клявтенного обещания о свободе слова, печати, организации и проч., которыми новые правители в Декларации 17 сентября 1944 года обманывали народ. Тогда кровожадные волки скрывались под овечьей шкурой, а заклятые мракобесы напяливали на себя хламиду Перикла, чтобы скрыть от легковерных граждан свои злодейские цели. Но как только власть укрепилась, немедленно обнаружились волчьи зубы. Она непрестанно говорит о свободе и . . . ломает кости своим подданным.

В течение почти 3-летнего управления новой властью убиты десятки анархистов, свыше сотни заключены в концлагери. Ни одно фашистское правительство не может похвастаться такими злостными делами — годами держать антифашистов под полицейским надзором! Такое понимание "свободы" и "демократии" принесено в Болгарию очевидно из степей далекой Азии, где воля тирана — закон. И в этом случае гонения на анархистов оказались показательными: они перенесены на другие народные организации, защищающие те или другие народные свободы. Земледельцы, социалисты и беспартийные, рабочие, ремесленники и крестьяне, ученые и неученые — все, кто не склонен разделять нищенскую тоталитарную теорию правящей клики, попадает под удары ее террористической машины. Теперь весь болгарский народ съежился под тяжкими ударами свирепой власти, не знающей ни благородства, ни уважения в идейной борьбе.

Так называемая "народная милиция," созданная якобы для "защиты свободы" болгарских граждан, проделывает те же злодейства, что и фашистская полиция. Болгарский политический режим несет в себе не только страшные признаки фашизма, но и все организационные детали тоталитарного разбойничества. Начиная с марта 1945 г., преследования и аресты антифашистов продолжаются и до сих пор. Правящая комклика уже подготовила госрабство: ряд исключительных законов, как закон о "защите народной власти," о "трудовых общежитиях" (каторжные лагери), о "трудовой мобилизации" и т. д., направленные против идейных противников комдиктатуры, которая не в состоянии вести с ними идейную борьбу, дают правительству полную возможность ликвидировать все нежелательные ему элементы. Послушное ему парламентское большинство всегда готово проводить исключи-

тельные законы. Новейший из них — закон о принудительном труде политзаключенных, что является новейшим изобретением господствующей компартии, новейшей "демократии восточного типа."

Голгофа болгарского анархизма есть повторение мученичества мирового безвластнического движения в национальном масштабе. Делается все возможное, чтобы задушить и убить анархическую мысль, чтобы искоренить безвластническую идею и парализовать анархическое дело. Тираны не брезгают ничем: клевета, аресты, каторга, интернирование — все пускается в ход. Анархисты в Болгарии даже лишаются работы, им не доставляют письма, посылки из-за границы уничтожаются, их разговоры подслушиваются и за их движением следят. В анархические организации подсылаются даже зехцеровцы ,но они быстро раскрываются, становятся известны и безвредны. В этой новой роли они презренны и жалки, но скоро свыкнутся с ней и будут преуспевать! . . . Недаром в фаланге своих предшественников болгарский анархизм имел таких людей, как Ботев и Левски. Анархизм отличался выдержанностью и живой силой сопротивления. Он выдержит и новые жестокие испытания.

Арак-ов

◆

В последние месяцы положение в Болгарии сильно ухудшилось. Большевиствующие "коммунисты" повели открытые репрессии против всех, кто не согласен с ихней властью. Они закрыли две последние оппозиционные газеты: "Земеделско Знаме" — орган оппозиционного Земледельческого Союза и "Свободен Народ" — орган социал-демократов оппозиционеров. Анархические же издания закрыты давным-давно.

Усилились преследования анархистов и анархо-синдикалистов. Аресты и заключения в тюрьму приняли широкие размеры. В последнее время стали известны случаи смерти анархистов от избиения. Страшный террор охватил всю Болгарию, особенно деревню. Бьют и убивают всех противников, а наибольше всего людей земледельческого движения и анархистов. Журналист Карамихайлов тоже арестован и посажен в тюрьму.

Коммунистическая пресса в других странах не перестает трубить ежедневно, что в Болгарии царит свобода и благоденствие. Сверх этого трудящимся города и деревни обещают царство небесное после выполнения двухлетки, за которой последует пятилетка ,пока не превратят трудовое население Болгарии в египетских рабов. Но все же мы твердо уверены, что и этой тирании придет конец и что идеи анархизма принесут всестороннее освобождение всем угнетенным и эксплуатируемым.

Три месяца назад т. Карамихайлов из-под надзора полиции отправлен в концлагерь "Куциян" у Перника, который, как и все концлагери в Болгарии, именуется на официальном языке правящих сатрапов Сталина "рабочей воспитательной общиной" или "коммуной." "Воспитанники," загнанные в лагерь "Куциян" на каторгу, выполняют в угольных шахтах тяжелые работы в порядке принудительного труда. Их там большое количество и все они принадлежат к оппозиции большевицкому правительству Болгарии. Там много членов Земледельческого Союза, много социалистов, анархистов, троцкистов и просто беспартийных. Все они загнаны на каторгу без суда, по одному лишь полицейскому произволу.

Условия работы в концлагере "Куциян" очень тяжелые, питание недостаточно и очень плохого качества. Здоровье т. Карамихайлова подорвано.

Навиждяров

О ГОЛОДЕ В РОССИИ

В 1931 году на пристани в Ленинграде я встретила распухшую женщину с двумя детьми. Каким-то чудом она пробралась в Ленинград! Знаете ли Вы, что в СССР простой смертный не может попасть в столицу? . . . Чтобы получить ж-д билет, вы должны предъявить паспорт, удостоверяющий, что вы — житель столицы, или командировочное удостоверение. Подсев к этой женщине, я узнала, что она с Украины и что там многие с Рождества подмешивают к муке жмыхи, жолуди, кору и т. д. Она продала хату и отдала эти деньги начальнику железной дороги, за что и получила билет в Ленинград, а вот теперь едет к брату в Кронштадт. Потом я узнала, что в Кронштад ей пропуска не дали, но в милицию забрали.

В 1933 году в с. Татарке, Ставропольского района, из 7,000 жителей осталось в живых только 1,103 человека. Остальные умерли от "малярии" — так было приказано врачам давать сведения в ЗАГС об умерших. В с. Сингелеевском из 11,000 осталось в живых 2,800 человек. Здесь дело вышло "лучше." Среди колхозных лошадей появился сап. Из Ставрополя приехала комиссия, про-

верила, постреляла лошадей и, закопав их в землю, уехала. Голодный народ этого только и ждал. Ночью, отрывши ямы, растащили конину по домам. Через неделю приехала снова комиссия, но с утроенным нарядом милиции, и на этот раз постреляли не лошадей, а голодных людей . . . На Кубани много таких "художеств" бывало.

Моя сестра вступила в колхоз в 1929 году. В 1939 году она получила на трудодень по полутора килограмма зерна. Мало, но если подмешивать чего-либо, то можно дотянуть до пасхи, а там и на травку. Когда из колхозов хлеб был выкачен для государства, повели кампанию, чтобы колхозники сдали "излишки," каковых не оказалось. Тогда составили из коммунистов, комсомола и прочего актива бригады, обязанность которых ходить по дворам, рыскать по кладовым и чердакам и отбирать у колхозников "излишки," т.е. тот хлеб, который они получили от колхоза на трудодни. Но и этого оказалось недостаточно. Снова пошли бригады, на этот раз вооруженные штыками и прочими инструментами для более тщательного обыска. Они забирали не только зерно и муку, как в первый раз, но и всё менее съедобное. Они перерывали всё: сундуки, постели, разламывали печки, подымали доски полов, где таковые были, разбрасывали скирды соломы, сутками рыли землю в сараях, погребах и огородах, а иногда даже снимали с хат солому, служившую для них крышей. У моей сестры нашли в сумке арбузные семена и плитки жмыхи. Всё забрали. Она на коленях умоляла оставить ей этот "клад." Смиловались: оставили ей плитки жмыхи, так как у неё 6 детей, а семячки забрали.

СССР — страна вечного голода. На 30-летнем отрезке времени **засуха** не является первостепенным фактором голода. Прежде в России, когда страдал от засухи один район, помогал другой, да и каждый крестьянин имел кое-какие запасы. Теперь этого нет: в СССР — каждый год недоедание, измор и периодическое вымирание людей миллионами.

Итак, на данной ступени человеческого развития роль в голоде играет не засуха, а система измора. Схема проста: не будь в России вечноизнуряющего голода из года в год, давно не было бы Сталина с его прихлебателями. Они это прекрасно понимают. Ведь борьба за ежедневный кусок хлеба стоит центральным вопросом у 90% жителей С. С. С. Р. К недоеданию добавьте террор и картина станет ясной.

Вы призываете оказать помощь народам России. Какую помощь вы можете оказать? Деньгами? Об этих деньгах никто не узнает: они пойдут на пропаганду против Вас же!...

Организовать посылки? Они тоже не попадут голодным: их поедят **суслики.** (Так называют в сов. России партийную знать.) Моральную помощь? Но кто её услышит в России?!... Оказать помощь русскому народу можно будет только после **уничтожения** рабовладельческой системы комфашизма.

Невозвращенка А. З.

ОПАСНЫЙ ПОРОК

Человек — это звучит гордо! Нет предела его изобретательности, усовершенствованиям и прогрессу в науке и технике, искусстве, музыке, медицине, литературе и т. д. Но в области социальной человек фантастически отстал и продолжает жить и защищать систему правления и жизненные условия, которые порабощают его духовно и физически и делают его рабом пороков, например, пьянства.

Передо мною много карточек ,открыток — все поздравления с Рождеством и Новым Годом и хочется верить в искренность желания обновления, как авторов этих посланий, так и всех тех, кто верит в грядущее счастье. Но рядом с этими знаками внимания друзей и знакомых, напоминающих о существующей среди нас духовной близости и единстве стремлений к лучшему будущему, к сожалению, ежедневные явления на улицах и каждая новая газета дают помрачающие итоги праздничного веселья, иллюстрируя цифрами число убитых, искалеченных и пострадавших по причине пьянства и чрезмерного веселья. В газетных отчетах заголовок — "Провинциальное правительство разрешает после Нового Года в 74 гостинницах продажу спиртных напитков." Хитрые дельцы-политики выезжают на этом коньке на местных выборах, пользуясь слабостью и невежеством.

В тех же газетах указывается, что с каждым годом производство хмельного увеличивается вдвое, что оно приносит государству сотни миллионов долларов чистой прибыли и что все сорта спиртных напитков, вин и пива, сделанных в Канаде, можно свободно купить во всех торговых центрах

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ
ДЕЛО ТРУДА - ПРОБУЖДЕНИЕ

многих стран мира. Например, экспортируется 110 мил. галлонов пива в 22 страны; 4 мил. галлонов водки посылается в 75 стран и приблизительно столько же вина, и это якобы делает молодую страну очень популярной. Потребление упомянутого продукта дома превосходит приведенные здесь цифры.

Газетные рекламы рождественнских продаж, подарки, сила традиционного обычая и вера в грядущее новое, в котором все наши надежды и ожидания, неотразимой силой влекут человека встретить и отпраздновать день нового года. И вот общая картина — улицы всех больших и малых городов буквально заполняются с наступлением вечера и толпа стадно шумит, рестораны, кабаки переполнены, в них до утра происходит столпотворение вавилонское. Начальники полицейских управлений в эти праздники отказываются давать печати сведения о числе пьяных, доставленных в участки. А в каком виде доставлены они? Синяки, кровоподтеки, изорванная и замаранная грязью, рвотою и кровью одежда. О деньгах и прочих ценностях и говорить не приходится. Если же к этому прибавить, что среди поступивших в полицейские участки для вытрезвления, есть случаи непроснувшихся, которые нашли смерть в объятиях зеленего змия, то эта мрачная картина празднования Рождества и Нового Года встает перед нашим духовным взором во всем ее грозном и зловещем росте. Надо ли говорить о печальных последствиях, свидетельствующих о сотнях тысяч загубленных жизней, разбитых семей, самоубийствах, убийствах и других преступлениях, сумашествиях, безвременной гибели талантов, даже гениев, о всяких болезнях, развивающихся на почве алкоголизма, о слабоволии, потере памяти и вырождении, как следствие широко развитого в народе порока пьянства. Алкогольное отравление, искусственно возбуждая на короткие мгновения наши силы, погружает нас потом в угнетенное состояние, вызывает паралич воли и требует все новых и новых повторений приема этого яда, который потом окончательно овладевает нами, обращая человека в скотское состояние. Такому человеку чуждо всякое человеческое достоинство. Мы все, конечно, видели на многолюдных улицах больших городов отвратительные сцены пьяного проявления: площадную брань, поражающую слух идущей с вами вашей сестры, дочери. Мы с чувством отвращения отварачиваемся.

Как же бороться с этим социальным злом, разлагающим все слои общества? Как выступать против этого пагубного недуга, омрачающего рассудок людей? Как и чем сражаться с могучим зеленым драконом, держащим в своих страшных лапах большую часть народа и охватившим кольцом своего гибкого тела преимущественно рабочую массу и даже трудовую интеллигенцию? Я, к сожалению, должен сказать, что за два десятка лет моих бесед и разъяснений мне так и не удалось никого остановить от пьянства и никого отучить от курения.

Нужно также признать, что большинство славян здесь в этом постыдном соревновании в пьянстве старается пальму первенства сохранить за собой. Несомненно, этому способствует то обстоятельство, а вернее предлог, чего нет у других народов, а именно: большинство славян празднует два рождества и два новых года, т. е. по старому стилю и по новому. По этому поводу наши славяне пьют в два рази больше других, что и вынуждает меня, именно в рождественские праздники, писать об этом.

Я обращаюсь к редакции журнала "ДТП," к писателям и читателям, ко всем вам, соотечественники, душою и сердцем горячо отзывающимся и всегда встающим первыми против мировой несправедливости, уделить этому вопросу надлежащее место и внимание. Все вами написанное и сказанное в этой области не пропадет даром, оно всегда найдет свой отклик и этим самым даст вам то нравственное удовлетворение, которое дает смысл жизни, делает наше существование полным глубокого содержания, ибо это дело носит в самом себе задатки успеха и немедленного признания со стороны оздоровленных и приобщенных к нормальной и здоровой жизни. Нужно всем понять, что, для того чтобы создать здоровую и свободную жизнь, необходимо воспитать трезвую интеллигенцию, у которой будет непримиримое отношение к этому социальному злу со всеми его проявлениями. Трезвая интеллигенция не будет равнодушно смотреть на кровь, муки и страдания других. **Лев Петров**

Торонто, Канада.

ТОВАРИЩИ, издание журнала "ДТП" зависит всецело от вас, поэтому мы обращаемся к вам с настоятельной просьбой распространять журнал и оказывать ему денежную и моральную поддержку.

Ред. Коллегия

ИОСИФ МЕЧИСЛАВОВИЧ МУРАШКО

На 58 году жизни скончился 18 октября 1947 года в городе Пикскилле, штат Нью Иорк, старый член Союза Русских Рабочих — революционно-свободнической организации, получившей широкую известность в 20 годах текущего столетия, — Иосиф Мечиславович Мурашко. Покойный получил начальное образование в Дисенском уезде, Виленской губернии, где в то время проживала семья Мурашко: он окончил городское училище.

В 1907 году И. М. уехал с сестрой в Америку, где уже находился старший брат, поселившийся на жительство в г. Кливланде. В 1908 г. оба брата переехали из Кливленда, Охайо, в штат Аркензас, где они приобрели (в малонаселенной местности) участок земли с целью заняться земледелием. Однако после года тяжелого труда на фарме вынуждены были оставить новое место, так как не было средств обзавестись хозяйством, и вернулись назад в Кливланд, где вступили в польський отдел социалистической партии. В те годы русских в Кливланде было не более двух десятков. В 1911 году оставили социалистическую партию и вместе со своими еврейскими друзьями, выходцами из России, организовали еврейскую группу Свободной Мысли, а в 1912 году организовали Русский Отдел анархо-синдикалистской организации — Индустриальные Рабочие Мира (IWW). В конце 1912 года Иосиф Мечиславович уехал в Детройт, где вступил в члены Русского Прогрессивного Клуба, в культурно-просветительной работе которого он принял горячее участие. В 1915 году он опять вернулся в Кливланд и снова работал в Русском Отделе ИРМ. В это время возникла идея организации Союза Русских Рабочих, отдел которого был организован и в Кливланде в 1906 г.

Во время Русской Революции в Кливланде, как и во многих других городах Америки, был создан Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов, который занялся оказанием помощи русским выходцам, уезжавшим на родину, в Россию. Совет депутатов был составлен из представителей всех местных русских организаций. Большевистская фракция решила захватить совет в свои руки и здесь-то впервые И. М. столкнулся с большевиками и принял живое участие в борьбе с ними. Захватить совет большевикам не удалось, но их грязные методы борьбы произвели отталкивающее впечатление. С тех пор И. М. называл большевиков узурпаторами и иезуитами 20-го века и не переставал вести с ними борьбу до последних дней.

Как известно, в 1918 году начались гонения на русские прогрессивные организации в Америке. Иосиф Мечиславович без всяких причин был арестован пару раз. Поводом было только то, что он принадлежал к Союзу Русских Рабочих. Вследствие этого И. М. решил оставить Кливланд и опять переехал в Детройт, где продолжал принимать активное участие в Союзе Русских Рабочих и в рабочем кооперативе. В 1919 году гонения на русских усилились и в конце года начались форменные погромы: были разгромлены все радикальные организации по всей Америке и тысячи рабочих были избиты, арестованы и брошены в тюрьмы. При помощи американских друзей Иосиф Мечиславович организовал Комитет Защиты и Помощи арестованным. Но в начале 1920 года его тоже арестовали и продержали в заключении свыше двух месяцев, но потом освободили и вскоре он перехал в г. Нью Иорк, где принимал активное участие в Союзе Российских Тружеников.

Напряженная организационная работа отразилась на здоровьи Иосифа Мечиславовича: в 1926 году пользовавший его врач посоветовал ему оставить город и уехать в провинцию, что он и сделал, поселившись на жительство в Могигенской колонии — в 40 милях от Нью Иорка. Здесь он поправился, окреп физически и принимал близкое участие в работе местной группы либертариев. В этой местности он работал садовником и более чем за 20 лет, прожитых в колонии Могиген, приобрел большую симпатию у местного населения: все его любили за его честный труд и доброту, которыми отличался покойный в течение всей своей жизни.

Последние три года Иосиф Мечиславович болел артериосклерозом и нередко случались сердечные припадки. Умер он утром 18 октября в больнице г. Пикскилла, куда он был доставлен накануне, а похороны состоялись в понедельник, 20 октября. Несмотря на будний день, при выносе тела присутствовало около 150 человек из друзей и почитателей покойного. За гробом следовали 10 автомобилей с ближайшими друзьями покойного. При погребении были произнесены речи престарелым Рудольфом Рокером и другими товарищами. Похоронен И. М. на кладбище "Сэнт Хилл" в г. Пикскилле.

Мир праху твоему, дорогой товарищ!

ПЛАН ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СНАБЖЕНИЯ ЕВРОПЫ И АЗИИ

Наш соотечественник, всемирноизвестный специалист по холодильному делу и быстрому замораживанию продуктов, инженер Михаил Трофимович Зароченцев, исходя из чисто гуманитарных побуждений, выдвигает свой план снабжения продовольствием голодающего населения Европы и Азии, который он излагает в помещаемой ниже статье, печатаемой с сокращением.—**Редакция.**

* * *

Прошло уже более 30 месяцев со дня окончания военных действий в Европе, но мира там нет, лишь распространился всеобщий хаос, который охватывает Азию и Африку. Война разрушила Европу физически — её земледелие, промышленность, транспорт, снабжение и товарообмен. Но главное — война сильно подорвала моральные основы и усилила уголовные преступления.

В Вашингтоне высказываются за то, что продовольствие в Америке должно быть рационировано, дабы этим сократить потребление мяса, хлеба, масла и домашней птицы внутри страны и больше вывезти заграницу для голодающих, число которых, по докладу Хувера и Андерсона, в одной только Европе превышает 300 милн. человек, а в Азии (Китай, Индия, Индо-Китай, Индонезия) — более 700 миллионов.

Как можно накормить голодающих? Для нормального существования человеческому организму необходимо ежедневное потребление пищепродуктов в·2,000 калорий. В Европе же потребление хлеба и другого продовольствия снижено до 1,200 калорий, а в некоторых местах до 800 калорий в день и даже меньше. Главное питание в Европе — хлеб. Чтобы дать хлеб Европе, США должны ввезти туда много миллионов бушелей пшеницы. Но вследствие недостатка таковой, а равно и кукурузы, не только в США, но и в Аргентине и Австралии, возникает большой вопрос: как мы можем накормить голодающее население Европы и Азии?

В своём меморандуме от 25 марта 1946 года, представленном Герберту Хуверу, Честеру Дэйвису и Фиорелло Ла-Гвардия (тогдашнему директору УНРРА) и другим официальным лицам в Вашингтоне, а также в Лондоне и Париже, я указал, что большинство людей забывает, что, кроме хлеба, мяса и битой птицы, **рыба** является очень важным продуктом питания, в особенности, когда он скомбинирован с картофелем и другими овощами. Рыбные источники в США весьма значительны; ежегодный улов достигает 5 миллиардов фунтов, а мы пользуемся лишь некоторыми частями рыбы. Мы имеем изобилие картофеля и других овощей.

За многие годы практической деятельности в пищевой промышленности, начиная с России (в первую Мировую Войну), а затем по всей Европе, Южной Америке, Аляске и США я обнаружил, что комбинирование рыбы с овощами даёт хорошую пищу, которая приятна на вкус, питательна, богата витаминами и не дорога производством. Она может быть приготовлена в разнообразных формах, как рыбно-овощное рагу, в зависимости от употребления разного сорта рыб. Это может разрешить проблему питания голодных миллионов людей заграницей.

Мой план и метод приготовления рыбно-овощных продуктов привлекли летом 1946 года внимание различных кругов. На Аляске, по приглашению Комитета по развитию Аляски (Аляска Девелопментс Борд) и Кооператива Фармеров в Фэрбэнксе (Фэрбэнкс Фармерс Кооператив), я сделал несколько сот банок "салмон чавдер" с картофелем, со свежей капустой, с кислой капустой, с бобами и т. д. Ряд образцов этих консервов я отправил в Нью Иорк, Вашингтон, Париж, Лондон и в другие места. В ноябре 1946 г. я приготовил ещё 200 пробных банок рыбно-овощной похлебки—"фиш-вежетебел чавдер" во французском стиле — из 4 разных сортов рыбы и овощей и отправил их тоже в Вашингтон и Европу. Отовсюду на них последовали весьма благоприятные отзывы.

Рыбы и овощей имеется в изобилии в США и мы легко могли бы производить рыбные консервы по следующей формуле: 40-45% рыбы без костей, 40-45% картофеля или других овощей и 20-10% сгущенного рыбного навара или бульона из голов и костей. Будучи весьма питательным, этот пищепродукт может производиться довольно дёшево: 5-10 долларов за ящик в 48 фунтов, в зависимости от сорта рыбы. Консервирование в жестяных банках гарантирует сохранение и перевозку на обычных судах без холодильников, что упрощает распределение. Каждая 1-фунтовая банка даст 800-1000 калорий, а с добавкой хлеба даст нужное питание на целый день. Без всяких затруднений сотня рыбных или овощных консервных заводов на Тихо-океанском побережьи могут выпустить 1 миллиард фунтов "фиш чавдер" с затратой менее 100 млн. долларов.

Стабилилзация Европы и Азии может

ЭПОПЕЯ РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА

(Михаила Леонтьевича Захарова из С. Покровского, Харьковской области)

С горячим приветом к вам, русские люди, потерявшим свою родину. Привет вам всем, теплые сердцем люди, от беженца с Украины, оставившего родину в 1943 г. по великой неволе. Но печалиться за прожитые 27 лет под советской властью не приходится, так как не жили мы на своей родине, а мучились: там не было для нас, трудящихся, ни одного светлого денька. Многие крестьяне остались виноватыми перед большевицкой властью за то, что их деды или прадеды или они сами нажили хозяйства. Виноваты были и те, чей дед или прадед был волостным старшиной или сельским старостой или церковным старостой. За эти "преступления" пришлось отвечать их внукам, которых дикая власть коммунистов выгнала из школ.

После захвата власти коммунисты разделили народ деревни на четыре категории: кулаки, середняки, бедняки и комнезаможные активисты. Из последних составили правления — органы власти, которые производили повсюду тщательный обыск. Они рылись в сундучках и хатах подвластных и забирали всё, что им нравилось, в особенности одежду, и домогались золота. После обыска или, вернее, налёта бандитов и произведенного ими разгрома, они выводили ночью нескольких "кулаков" за село и часть из них расстреливали, а другую часть, застрашенную расстрелами, возвращали на несколько дней в село с тем, чтобы они добыли золото. Затем их постигала судьба первых. Таким путем уничтожили много трудового крестьянства: одни были расстрелены, другие были замучены в тюрьмах, а третьи были загнаны в концлагери на Севере.

Затем, после первой волны террора в деревне, началась "продразверстка" хлеба и скота, которые отнимались от крестьян теми же органами большевицкой власти. Часть добычи передавалась государству ("вышестоящим товарищам"), а на остальное жили комнезаможники. Так тянулось до 1924 года. Потом, с 1924 по 1927 год, террор ослабили и можно было кое-как существовать. Но когда начали строить колхозы, то опять взялись за "кулаков," середняков и бедняков, которые не желали идти в колхозы. Правда, на последних налагались меньшие кары — их просто выгоняли, а "кулаков" судили за то, что они будто бы агитировали против колхозов. Опять пошли аресты, расстрелы, а в 1929 г. лишили права голоса. Имущество многих лишенцев, в число которых попал и я, было продано. Лишенцев выгнали из их домов, в которые вселили комактивистов и некоторых бедняков, бросивших свои плохие дома, в которые пришлось перейти лишенцам, лишенным всяких средств к существованию.

Глубокой ночью 13 марта 1930 года комактивисты, несколько вооруженных человек, подъехали под мою кватиру и посадили всё моё семейство в арбу, обшитую брезентом. Ночных дел мастера приказали нам не шуметь, т.е. не разговаривать, а затем отвезли нас на ж-д станцию Языкову, близ Барвенкова. Здесь посадили нас в товарные вагоны, отправку которых задержали на два дня, пока нагрузили четыре эшелона. В каждый вагон впихнули по 55 человека и парашу, затем заперли вагоны и повезли нас на Север, строго запретив смотреть в единственное маленькое окошко. От скопления и тяжелого воздуха люди задыхались, от чего многие померли в пути. Приходилось ночью прорезывать ножем щелку в вагоне, расширять её, подходить к ней по очереди и дышать, чтобы не задохнуться в зловонии.

Привезли нас в город Котлас, где еще была глубокая зима. Отсюда нас погнали пешком дальше по области Коми. Гнали нас в течение 20 суток до окраины, где не было никаких жилищ. Затем, в течение ещё пяти суток, гнали нас в глубь тайги, а наших детей везли туда же на санях. Наконец, привели нас в большую поляну и здесь старший коммунист сказал нам: "Это — ваша родина!"

В этой глуши было еще много снегу и стояли сильные морозы — в 40 градусов. Все пригнанные сюда крестьяне залились слезами, видя, что их пригнали в гиблое место на верную смерть от холода и голода. Но плакать было некогда, так как дети за-

---

быть осуществима лишь устранением в первую очередь голода. Я готов кооперировать с правительством или с частными фирмами, чтобы приложить мой обширный опыт, помогающий, хотя бы в малой доле, разрешить проблемму: как накормить голодные миллионы заграницей.

М. Т. Зароченцев,
Технический Советник и Консультант

мерзали. Пришлось рубить сосновые ветви и делать курени, подстилая те же сосновые ветки под постели. Так прожили мы две недели, пока построили бараки. За это время все дети до 7-летнего возраста вымерли — ни одного не осталось в живых, а также много умерло старых и слабых людей. Это было в апреле, а 15 мая снег начал таять и смертность от холода прекратилась.

С потеплением молодежь стала уходить куда глаза глядят, многие блуждали и, выбившись из сил, изнуренные и истощенные, где-нибудь присаживались и засыпали навеки вечные. Спустя некоторое время, несколько семейных собрались в одну ночь, открыли окно сзади барака и, пока стража спала у фронтовых дверей, мы передали наших детей через окно раньше вышедшим, а потом пошли в тайгу. Куда мы шли, мы точно не знали, но по сучьям и веткам на деревьях старались держаться в южную сторону. Детишек спрашивали: уморились ли? "Хоть уморились, — отвечали они, — но мы рады, что идем домой." Так шли мы три дня, а на четвертый — детки перестали уже разговаривать, их личики пожелтели. К вечеру увидели будку. И все мы ободрились: значит, недалеко должно быть и село, потому что такие будки построены обычно в 25 клм от населенных пунктов.

Подошли мы к будке, которая была закрыта. Через окно мы увидели три мешка. Так как мы были голодны смертельно, то решили открыть эту будку. В двух мешках оказались сахури, а в третьем, наполненном на половину — сахар. Всех нас тут было 32 человека и мы решили разделить всё это добро поровну. Детки наши сразу повеселели и заговорили. Это была охотничья будка, в которой хранилось продовольствие на случай, когда охотников зимой захватывают в лесу северные бураны.

На пятый день мы достигли большой деревни, мимо которой нельзя пройти большой группе незаметно — даже по-одиночке, потому что в каждом поселке было приказано комсомолу задерживать каторжан, которых мучители называли "переселенцами." Им платили либо 25 рублей деньгами, либо давали 2 пуда белой муки. В этой деревне мне пришлось оставить жену и трех меньших детей у разных хозяев, а сам со старшим сыном, племянником и еще двумя, всего пять человек, решили ехать дальше лодкой по реке Вычегде. Плыли мы только ночью, а днем прятались в лесу, чтобы избежать преследования. Путь был очень труден, так как много речек впадает в Вычегду, а ночью ведь не видно, куда правильно путь держать. Днем же опасно было распросить кого-нибудь, так как нас могли задержать. Так мы плыли пять ночей, а на шестую ночь прибыли в город Котлас на Северной Двине, впадающей в Белое море.

Дальше ехать водой уж было непопутно, поэтому мы пошли пешком на юг. Шли мы так 20 суток, пока добрались до ж-д станции Вятка. Отсюда ехали поездом. Когда проходили контролеры ГПУ, мы скрывались чаще всего в уборных. С трудом добрались в Донбасс—в Макеевку, где разыскали тоже "раскулаченных" из ближайших деревень крестьян, у которых остановились. Через них нам удалось достать документы и поступить на работы. Здесь я услыхал указ Сталина, что родственники раскулаченных крестьян, сосланных в тайгу, могут забрать их детей на свое иждевение и перевоспитывать по-советски. Я работал под другой фамилией, но всё же решил рискнуть забрать своих детей под видом родственника.

Однажды вечером зашел к начальнику, который не был партийцем, и всё подробно рассказал ему о ссылке и бегстве, о страшных испытаниях и семейной беде. Он даже заплакал, слушая мой рассказ. Потом он сказал: "Приходи завтра вечером в контору, когда все уйдут." Я так и сделал, хотя волновался целый день. Его участие помогло мне спасти мою семью. Он написал мне документ хорошего содержания, что я — рабочий с 15-летним стажем и что я направляюсь в такое-то место за детьми родственников, которых решил взять на своё иждивение, хотя я сам — родной отец их.

Приехал я в край, где жили мои дети и жена, и смело заявился до коменданта зоны, которому сказал, что, согласно указу Сталина, хочу забрать детей такого-то выселенца на своё иждивение. Комендант прочитал мой документ и спросил: "А что у вас своих детей нет?" "Нету," — ответил я. "Сколько же детей вы забираете?" — задал он новый вопрос. Я сказал, что трех. Он вписал в документ имена и возраст детей, тут же подписал бумагу и печать приложил. Имея такой документ, мне легко было везти моих детей, но жену приходилось закрывать под полкой вещами и детьми. С большим трудом, но всё же благополучно приехал в Донбас и 13 лет работали в Макеевке, хотя под другой фамилией, пока не открылся фронт.

Немцы были ещё за 100 верст, а коммунисты повзрывали все заводы и шахты, поэтому все рабочие вынуждены были рассыпаться по местным сёлам. Мы пришли в своё

село уже при немцах, но ничего не нашли из нашего имущества: все постройки были сломаны и перевезены в колхоз. Нам пришлось жить на другом хуторе. Однако на Донце не было покою: фронт два раза передвигался через Донец. Когда в сентябре 1943 года немец отступал, то он всех отгонял от Донца до Днепра и всю молодежь забирал с собой. Я со своим семейством тоже решил уйти от коммунистов.

Когда мы прибыли к Днепру, переправа была заграждена немецким транспортом. Коммунисты бомбили с воздуха. Из-за невозможности переправы многим мужчинам пришлось оставить свои семьи на левом берегу Днепра. Я вынужден был оставить семью дочери с двумя детьми, а сам, как и многие другие тысячи мужчин, сбил две доски, лёг на них грудью и с трудом переправился на другой берег.

Растеряв свою семью, сейчас остался я один и живу в Австрии. Мне уже почти 60 лет, но всё же хочу только подальше отъехать от своей родины, т.е. не от родины, а от жестоких её правителей. Моего старшего сына мобилизовали в красную армию, в которую пошел он служить под чужой фамилией, а младшего сына при отходе немцы забрали и я ничего не знаю ни про сыновей, ни про дочерей.

В старое время у меня было хорошее крестьянское хозяйство: молотилка, самовязка и другие хорошие земледельческие орудия. За это я оказался виновен. А главное — пострадали дети за прадеда. Всех исключили из Украины и выгнали.

Дорогие русские американцы, жду от вас ответа. Ваш соотечественник

Михаил Леонтьевич Захаров
Greifenburg 135, Kaernten, Austria.

ПИСЬМА РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ

БОДЕНСДОРФ, Каринтия, Австрия, 16-8-47. — Многоуваж. Макаренко! С глубокой благодарностью тороплюсь уведомить Вас, что продовольственная посылка в полной цельности нами получена. Одержимые неописуемой радостью и искренней признательностью, мы всей семьей шлем русское спасибо тем неизвестным жертвователям, кои из своего трудового заработка уделили долю на помощь очутившемуся в безвыходном положении соотечественнику. Так как официальные пути все еще закрыты, а я считаю себя Вашим должником, то прошу Вас придумать способ, дабы я мог покрыть материальные расходы.

Кажется до невероятности смешным, что приходится попрошайничать пищевые продукты на другом конце света, но на это вынуждает трагическая действительность создавшегося после мировой войны положения. Еслибы не испытывал этого на своей собственной шкуре, то не мог бы поверить, что можно дойти до такого низкого уровня. Духовная и моральная нищета, голод и на этой почве — грабежи и убийства; жажда лёгкой наживы и посягание на чужую маленькую собственность, которая приобретена в поте лица, часто тяжёлым и долгим трудом. Таковы последствия шестилетнего взаимного истребления народов.

Миллионы людей потеряли родину, кров и семью, очутившись на положении ненавистных иностранцев, подвергающихся издевательствам и гонениям. Наигорчайшим образом это обрушилось на наших соотечественников, положение которых одно из ужаснейших по сравнению с другими. Как ни странно, но большинство европейских государств и до сих пор не имеют точного представления о СССР: они не могут или не хотят различить Россию от СССР, русских от советских граждан. Миллионы русских только формально числятся советскими гражданами, но душей и сердцем чужды большевицкой доктрине: невзирая на испытываемые ими страдания, они рады, что вырвались из советского "рая."

Европейцы, принадлежащие к левым партиям (коммунистической и социалистической), положили на русских беженцев клеймо "бело-фашистов," "колаборантов Гитлера" и "зачинщиков войны," не имея понятия и не сознавая того, что эти несчастные страдальцы более четверти века переносили нечеловеческие мучения и стремились вырваться из-под ига ком-фашизма: они оставили родину в надежде, что в Европе им удастся найти мирную жизнь. Но и здесь они оказались на положение загнанных зайцев: всё время дрожат в тревоге как бы их насильно не вывезли на родину, ставшую им страшнее смерти. Главари здешних левых партий усердно стараются выдать их советским властям то хитрыми, то обманными путями. На этой почве происходят кровавые бойни, требующие человеческих жертв.

Каждому неглупому человеку известны стремления и цели кремлевских владык: превратить Европу в придаток СССР, чему отчасти ревностно содействуют правительства некоторых государств Европы, но население, не симпатизирующее планам большевизма, сопротивляясь, необдуманно валит вину не на Сталина, как правителя СССР, а на Россию и, как ближайший объект, легко достигаемый и без особой натуги уязвимый, на несчастных беженцев, попавших сюда волею злого рока. Таким образом на них, как на бедного Макара, все шишки валятся: для них в Европе жизнь стала адом. Духовное и физическое их состояние не подлежит описанию: нужно на месте видеть всё, дабы иметь действительную картину их жизни. Каждый лагерь, каждая семья — это трагическая повесть с кошмарными иллюстрациями.

При таком перманентном преследовании и всевозможных издевательствах над беззащитными людьми их взоры устремлены по ту сторону океана — в Южную Америку, где как будто бы большой спрос на рабочие руки. За это и хватаются наши соотечественники, как утопающий за соломинку. Но пока что пути им заказаны. Беженцы других стран и национальностей более счастливы: многим из них удалось уже переплыть на другую сторону океана. Подсоветским же гражданам нет доступа по той причине, что досужие люди успели им прикрепить пугающие ярлыки: одним — "бело-фашисты," а другим — "советские агенты." Таково действительное положение.

Но 25 лет жизни под советским владычеством ярко подчеркивается тем, что русским пришлось пройти хорошую школу маскировки и псевдонимной жизни. Благодаря этому, некоторым из них удалось обойти поставленные на их тернистом пути преграды и облегчить бремя, налагаемое на них всеми, кому не лень. Но это уже относится к авантюристической области, которая потребовала бы долгого описания. Во время войны я непосредственно столкнулся с действительной жизнью подсоветских граждан из разных слоев общества. Беседы с ними и личные наблюдения красной нитью подчеркивают жизненность русского духа. И, не взирая на все гонения и притеснения, можно сказать, только вывеска говорит о новой фирме, а внутри быт и порядки — прежние. Вся появившаяся заграницей литература, изданная журналистами и представителями иностранных государств, написана по заказу их шефов. **КИП.**

ГРАЙФЕНБУРГ, Каринтия, Австрия, 5-8-47. — Дорогие друзья! Был в путешествии. Не считаю удобным описывать происшедшие со мной неприятности. Скажу только, что в оккупированных (не советских) зонах легальны только партии, опирающиеся на незначительные количества людей, а именно: народная, социалистическая и коммунистическая.

Дети дяди Петра — не друзья дяди Ивана, а дядя Степан выслушивал бы неприятные слова от последнего, еслибы дети первого пищали во дворе, соседнем с двором Ивана. Месяц тому назад я был предупрежден не беспокоиться за детишек, а теперь толкуется будто я не послушался хорошего совета дяди Степана. Чем всё это кончится, — знать не могу.

Материалы, проливающие свет на подлинную жизнь трудящихся масс в России, вы почерпнете из наших временных мест проживания, а главным образом, конечно, от прибывших и прибывающих к вам, в Америку, в особенности от тех, которые выехали на работы в Венецуэлу. Частично транспортируются в Бразилию и будут скоро ехать на работы в Чили.

Там, где проживает Ваш корреспондент Б, — лагерная гуща: русские, поляки, украинцы. Он может осветить их положение. Д-р Корженевский составил обращение к Элиноре Рузвельт. Югославский литератор Драгутин Вранка живет во французской зоне. Его родной язык — сербский, а второй — эсперанто. Жизнь бывшего русского Охранного корпуса из Сербии (белоэмигранты) хорошо знает Александр Степанович Сукало.

Вам не безинтересно прочитать письмо племянницы. Она была вывезена немцами из Харькова на работы в Германю 16-летней девчонкой. Мать же её в то время находилась на юге России. Много пришлось претерпеть молодой девушке от германских фашистов. Она убегала из лагерей. Попадала в Гестапо. Уходила в Италию. В день прекращения военных действий оказалась в Австрии. Установила связь с матерью, которая письменно уговорила её возвратиться домой, на родину, в СССР. Сначала обошлись с ней ласково, а потом — полное разочарование и сожаление, но всё уже было непоправимо. Из Совсоюза ни одного письма от неё не поступило

С уважением и приветом **А. П. Говало**

ВИЛЛАХ, Австрия. — Многоуважаемые труженики, журнал и книги получены. За книги и журнал — глубокая благодарность от меня и моих приятелей, а Ваших — читателей. Если сможете, высылайте нам и в дальнейшем Ваш журнал. Может-быть, когда-нибудь расплатимся с Вами, а пока — желаем Вам всего наилучшего. **И. Биденко**

РЮТЛИНГЕН, Вюртенбург, Германия. — Уважаемые издатели "Дело Труда-Пробуждение"! Случайно узнал о существовании Вашего журнала, который хотелось бы получать. В нем была статья о голоде в России и предполагалось организовать персональную помощь, но из этого ничего не вышло, так как совласть не допустила. Значит, имеются лица, которые хотели бы помочь, но не могут это сделать. Не можете ли Вы указать, куда бы мне обратиться за помощью для моих 1½-годовалых близнецов, т. к. живём в очень плохих условиях? Норма для детей так мала, что вы себе и представить не можете. Мы — русские "ди-пи." Сам я занимаюсь выделкой разных мелких художественных вещей. Примите мои наилучшие пожелания и привет Вам из Европы. **Н. Ермаков**

ЗАЛЬЦБУРГ, Австрия, 11-8147. — Дорогие друзья, привет Вам! Пишу под впечатлелинем грусти: недавно похоронили одного нашего знакомого, который умер от хронического недоедания и полного истощения организма, а тут выясняется, что мы должны снова зимовать в этих осточертевших лагерях . . . Никуда нас в этом году не вывезут. Работа не лучше УНРРА, питание мерзкое. Помогайте нам как можно скорее попасть в Америку, а то здесь за зиму мы перемрем, как мухи.

Еслибы Вы предполагали послать нам продовольственную посылку, то она должна иметь чай, сахар и жиры — это главное. Чай с сахаром нас поддерживал бы в трудные минуты: мы получаем, в среднем, 200 граммов хлеба на человека и могли бы свести концы с концами. В посылку вложите пару химических карандашей, бумагу и конверты, в которых у нас большая нужда. Если мы останемся живы, — за всё расплатимся. С пасхи питание наше очень и очень скудное.

Посылайте нам чаще Ваши советы. Ваша забота о нас усиливает нашу энергию бодриться и ждать лучшего будущего. Мы подтверждаем свои предыдущие письма.

Что-то будем делать зимой? . . . Топлива нет, нет зимней одежды, питание отвратительное . . . Ужас охватывает при мысли, что мы останемся зимовать в лагерях. Помогайте нам, друзья, чем можете.

Нас очень радует и крепит надеждами то, что Вы послали нам продовольственную посылку. Очень Вам благодарны, ибо наши организмы, истощенные за последние годы, начинают сдавать. Всё чаще и чаще некоторые земляки переселяются к праотцам. С пасхи наш дневной рацион следующий: утром — кипяток или "кофе" без сахару, в обед — постный суп, а вечером — то же, что и утром; на сутки выдается 200-250 граммов черного или кукурузного хлеба и 20-30 граммов постного масла — на декаду. Трудно жить на таком пайке, а тут, как на зло, никуда не везут нас на переселение. Берет ужас, что нам опять придется зимовать в этих проклятых бараках. У нас нет зимнего белья.

Братское спасибо за отправленную нам продовольственную посылку. Хотя бы получить ее вовремя. Это ободрит нас. Вы знаете, что для нас, русских, чашка чаю с сахаром служит большим подспорьем, особенно в наших лагерных условиях. Нам фунт чаю и 5 фунтов сахару хватит на долго, даже если мы будем пользоваться целой комнатой (4-5 человек). Все используем. Еще раз спасибо. Жаль только, что в посылку не вложили пару хими-

ческих карандашей, несколько листов писчей бумаги и конверты. Здесь этого нельзя достать по нашему безденежью. Отрадно на душе, что мы скоро будем пить чай по-русски. Посылок мы ни от кого не получали, поэтому не можем предугадать срока её получения: говорят, около 2 месяцев. Длинный срок, но терпеливо будем ждать её получения.

Из Детройта мы получили две книжки Юбилейного Сборника, журнал "Пробуждение" и несколько мелких брошюр. Все Ваши книги мы получили. Всё, что можно, используем для курсов, а остальные передаем людям: пусть выискивают зёрна жемчужные, хотя для нас теперь зёрна ячменные дороже зерна жемчужного . . . Я читаю бесплатно лекции по с-х дисциплинам — курсы 3-месячные. Люди у меня всегда новые. Они знают, кто нам помогает, и эту помощь я всегда подчеркиваю. Ведь фактически только Вы одни нам помогаете. Люди видят и понимают это. Думаю, многие сохранят о Вас память на долгое время.

Помимо лекций, мы беседуем, как земляки, на разные темы о будущем. С Вашей помощью мы, пожалуй, не захиреем. Из вещей пошлите нам, что можете: теплое бельё, кальсоны, мыло, полотенца, носки, но себя не обременяйте. У нас этого нет и достать нельзя. В Толстовский Фонд написали давно, но ответа не получили. Может-быть, напишем Веригину, к духоборцам в Канаду, хотя как-то неудобно просить и обременять людей, когда мы сами могли бы быть полезны людям.

Ждем Вашего журнала "Дело Труда-Пробуждение," которого давно не получали. Было бы хорошо, еслибы он выходил два раза в месяц. В литературе (нашей духовной пище) мы нуждаемся так же, как и в пище физической. Иногда мы перечитываем книги вслух для всей комнаты. Вы нам много пособили литературой.

Желаем Вам успеха и здоровья **Д. П.**

ГАВЕНГАГ, Голландия. — Искренно благодарю Вас за присланные справки, журнал, брошюры и книги, с которыми ознакомился. К большому сожалению, не могу выслать Вам "Отечества," так как выход в свет заторможен близостью "отца народов." Впрочем, эта близость есть всеобщая европейская беда и напасть . . . "Отец" сей — всеобщий враг, истребитель. Имеются интересные материалы о работе сексотов в Академии Наук, бытовые фельетоны с рисунками проф. Торопова и другие материалы, рисующие тихие, душураздирающие ужасы народа там, "где так вольно дышет человек . . ."

С искренним приветом **П. Р. Романов**

ГРЕЙФЕНБУРГ, Австрия. — Дорогие друзья- В Вене умыкание людей, непросоветских мужчин и женщин, не прекратилось, а усилилось.

Ваши книги читаются и изучаются мною и моими, по лагерям и вне лагерей, знакомыми. Книга Николаева: "Первый среди равных" не плохо написана и является такой книгой, которая служит одним для чтения, а другим для изучения махновско-анархического движения на Украине. Махновцев в Австрии не встречаю. Анархистов тоже нет, но сочувствующие кропоткинцам имеются.

Коммунисты-большевики не могут не выступать и не наступать — иначе они погибнут. Они усиленно стремятся к захвату власти в Австрии.

Весьма тронут отправкой мне вещевой посылки. Спасибо. Кто что получит из неё, Вам о том напишет. Бесплатных потребителей у меня много. Полученное от Ваших друзей будет роздано.

Очень прошу, по прочтении кем-либо из Вас, выслать мне книги и брошюры невозвращенцев и беглецов из СССР — Кравченко, Гузенко, Корякова и других. С истинным уважением **А. П. Говалов**

ФЕЙСТРИЦ на Драве, Каринтия, Австрия, 23-9-47. — Многоуважаемый М—ко! Будучи отрезаны от всего света и ограничены 10 км пространством в радиусе, мы устремляем наши взоры к далекому миру наших друзей-соотечественников, находящихся в неизмеримо лучших материально-общественных условиях и далеко не представляющих себе нашей очень не сладкой действительности. У Вас мы часто ищем моральной и материальной поддержки и не всегда ошибаемся в своих исканиях. Невыразимо тяжёлые условия лагерной жизни вынудили многих из нас обратиться за помощью к ряду северо-американских русских общественных и филантропических организаций, широко откликнувшихся на этот призыв и спасших своими скромными посылками ряд лагерников почти от голодной смерти.

По складу своего характера я — принципиальный противник всякого попрошайничества, независимо от причин, его вызывающих, поэтому лично не пользовался никакими подачками и старался выйти из затруднительного положения путём мобилизации своих внутренних рессурсов, крайне незначительных, в числе которых немаловажное место занимали мои скромные литературные труды. Все эти меры, хотя и не спасли мой организм от истощения, до некоторой степени поддержали моё бренное существование.

С нетерпением ожидаем получения Вашего журнала. С уважением **д-р А. Сукало**

КЛАГЕНФУРТ, Каринтия, Австия, 27-9-47. — В редакцию журнала "Дело Труда-Пробуждение" в Нью Иорке. Сердечное спасибо за присланные мне два номера (21 и 22) Вашего журнла, который мне хотелось бы получать и в будущем.

Я давно не имел в руках русской свободной периодической печати. Статьи и письма последнего номера весьма кстати: пора самим политическим беженцам поднять вопрос о своем дальнейшем положении, которое совсем безотрадно, и не видно, когда оно переменится к лучшему, более устойчивому, а главное — человечному! Кажется нет в жизни людей примеров, когда права человека так игнорировались бы, как теперь. Смело можно сказать, что беженцы—вне закона. Яркими иллюстрациями служат письма в № 22 журнала. О таких случаях нужно кричать, нужно доводить до сведения ИРО и демократических организаций; нужно требовать скорейшего расселения в страны, из'явившие желание дать приют невозвращенцам, и на новых местах нужно требовать приравнения в правах с местными гражданами и наделения подданством, дабы не попасть под злую эксплоатацию бессовестных людей, которые любят воспользоваться чужим несчастьем или безнадежным положением ближнего.

Нам, старым эмигрантам, известно не мало случаев игнорирования нас, как людей. Достаточно вспомнить случай во Франции с шофером Мироновым или жизнь в Австрии, где требовались ежегодные переригистрации в полиции и на бирже труда, особые сверх-налоги, особые паспорта, ограничения в передвижениях, невозможность, даже после 30-летнего пребывания в стране, получить подданство, равное другим гражданам, и на каждом шагу постоянное подчеркивание твоего иностранного происхождения и угроза высылки. Всё это нужно довести до сведения лиц, решающих нашу судьбу,

и просить законов, приравнивающих тебя в правах человеческих. Вот это вкратце те вопросы, решение которых является насущнейшим в каждом истинно-демократическом обществе. Это дело всей зарубежной свободной русской печати. Его нельзя откладывать. Потому-то Ваш пример можно только приветствовать. **Сергей Кучеренко**

ГРАЙФЕНБУРГ, Каринтия, Австрия, 30-10-47. — Дорогие друзья! Я смущен тем, что вы соорудили мне продовольственную посылку, потому что вы несете расходы. Спасибо от всей души! Продовольственное положение в Австрии из рук вон плохо: голодные пайки. Вот тут-то и поддержит меня ваша драгоценная посылка. Отведают от ней и мои посетители — главным образом, приезжающие: люблю их полакомить тем, что бывает в наличии.

Большинство людей — народ расчётливый, в убеждениях — неустойчивый и пугливый. Тем не менее читают литературу, которая поступает из Нью Иорка, Филаделфии, Чикаго и Юнгстауна. Малограмотным читаю или растолковываю сам. Здесь много ещё таких чудаков (интеллигентных), которые представляют себе анархистов какими-то исчадьями, бомбоносами и т .д., но, познакомившись с учением Кропоткина, приходят потом в равновесие. Даже монархисты. Ими кишит лагерь Келленберг.

Я обрадовал Сукало, что он получит продовольственную посылку и посоветовал ему делиться с вами фактами из-за железной завесы, получаемыми некоторыми из СССР письмами, правдой о власовцах и т. д. Он живёт во многолюдном лагере и подобные материалы ему легко для вас собирать.

Если имеются свободные номера журнала, даже старые, пошлите их по адресам. В Грайфенбурге лагеря нет, но отсюда я добровольно обслуживаю лагеря тем, чем могу: книгами, газетами и, при случае, одеждой. Многие из лагерников опасаются нашествия большевиков на западную Европу.

Отправленные на работы в Англию чрезвычайно довольны тамошней жизнью, отношением и условиями. Довольны также и те, которые прибыли в Венецуэлу. Из Канады писем ещё нет.

Русские лагерники записываются в Боливию, Перу и Чили, но вербовочные комиссии пока ещё не прибыли в Каринтию.

Компартия Австрии на задворках у австийского населения. Пленные австрийцы прибывают из СССР в расслабленном виде. С искр. уваж. **А. П. Говалов**

БУРГДОРФ, Ганновер, Германия, 13-10-47. — Многоуважаемые соотечественники! Не знаю, как выразить мою благодарность, — да и кому? — за присланный мне журнал — № 22 "Дело Труда-Пробуждение." Выражая свою чистосердечную благодарность за присланный журнал "ДТП," я очень заинтересован лицом, проявившим ко мне столь благородное внимание.

Я не один, а десятки русских семей в нашем лагере впервые узнали, что в Америке есть орган Объединенной Федерации Русских Рабочих. Не удивляйтесь и простите за откровенность: еслибы "злая судьба" нас не занесла в ужасную Германию, то мы, находясь в "Сталинском Раю," даже не знали бы того, куда девало ОГПУ и НКВД наших родных и родственников, увозимых ночами с постели в "черном вороне" и запрятываемых в гиблые места "без права переписки," не говоря уже о том, что ничего не узнали бы о жизни русских за пределами СССР.

Здесь же, в Германии, находясь уж третий год после войны в лагере перемещенных, я получил русское издание из Америки! В частности наши русские в Америке забыли о нас и не могут себе представить нашей жизни. Я уверен, что большинству русских людей в Америке непонятно, почему, мол, эти русские, влачащие полуголодное существование в лагерях ди-пи, не едут к себе на родину? Огромное количество русских невозвращенцев в Европе смущает многих русских в Америке.

Поверьте, честные люди, что мы, перемещенные в Европе, пользуемся со стороны наших "любимых" соотечественников из СССР очень большим "вниманием" и "заботой," гораздо большей, чем со стороны соотечественников из Америки. Вы только подумайте, к примеру, что вам больше не под силу уже оставаться в этих вторых концлагерях в Германии, что вы физически и духовно устали, что нет уж никакой надежды на свободное будущее и что вы едете на родину, — к вам тот час же явится "русский лейтенант" и всё в порядке: вас увезут на автомобиле домой без всяких допросов (это будет там, на родине), без оформления паспорта, без визы или афидэйвита, так быстро, что вы даже не одумаетесь, что сделали. А чтобы выехать не на родину, то лёгче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем семейному ди-пи выехать в другую страну.

Соотечественники из СССР забрасывают нас "Правдой," "Известиями" и другой литературой в таком огромном количестве, что хоть спи на ней. Но ЭТА "литература" уморила нас "социалистическими соревнованиями," "преданностью народа 'любимому' вождю Сталину" и т. д. За долгие годы она нам опротивила и в лагерях ди-пи она воспринимается, как насмешка над русским народом, и употребляется для естественных надобностей. Повседневная ЛОЖЬ советской литературы страшно надоела. Но здесь нам трудно с заграничной литературой на русском языке: в течение более двух лет я не видел в лагере ни одной русской газеты из Америки. Да и кто проявит о нас действительную заботу? — Некому, за правду не обижайтесь.

Мы, русские ди-пи в Европе, переживаем тяжёлые материальные лишения и духовные испытания. Русские американцы лучше всего могут помочь нам материально в индивидуальном порядке, без всяких благотворительных комитетов в Европе или в Германии, которые не всегда стоят на должной высоте, так как "своя рубашка ближе к телу."

Мы не имеем также ни малейшего представления о книге Николаева "Первый среди равных." Прошу вас, и не один я, если в силах, пришлите что-либо из книг, газет и журналов, хотя бы прочитанных, старых, для нас, русских ди-пи, и не забывайте нас в будущем. Русский ди-пи **Г. Д—в.**

ЛАДЕ-ВЕЗЕР, Вестфалия, Германия, 26-9-47. — Очень и очень благодарю за высланный Вами № 21 журнала "ДТП." Читаю сам и передаю другим. Если будете иметь возможность, высылайте ещё, включая книги и старые газеты — всё, что без дела лежит на полке. Мы рады всякому печатному слову, чтобы скоротать длительное пребывание в лагерях для скитальцев. Уже третий год ждем выезда из Германии, вернее, из Европы. Но будем надеяться, а Вы не забывайте нас! Ещё раз спасибо.

С приветом инженер **В. Горунов**

КРУМПЕНДОРФ, Каринтия, Австрия, 24-10-47. — Дорогие друзья! Большое Вам спасибо за присланный № 22 "ДТП." По прочтению передам другим русским людям. Если есть возможность, высылайте

нам всё, что имеется: мы очень нуждаемся в русской литературе. Всё, что писал А. П. Говало в № 22 "ДТП," истинная правда.

Сам я по профессии — врач, работал в австрийской амбулатории, но массой русских тружеников, работающих у различных фирм (около 700 человек), был позван организовать русскую амбулаторию в городе Клагенфурте, что я и сделал. Теперь я лечу наших русских скитальцев, но сам живу в 7 клм. от города из-за неимения квартиры. Ежедневно приходится ходить пешком, т. к. поезд ходит нерегулярно. Начиная с 1941 года, я отдаю свой медицинский труд русским людям и я горд тем, что служу для несчастных русских в тяжелый период их жизни.

Буду рад ответить на интересующие Вас вопросы. С приветом **д-р Андрей Борисович Коргоф**

МЮНХЕН, Бавария, Германия, 12-10-47. — В редакцию журнала "Дело Труда-Пробуждение." Члены профессиональных союзов старых русских эмигрантов в Германии, проживающие здесь с 1922 года и эвакуировавшиеся после второй мировой войны из других стран (инженеры, врачи, профессора, юристы и т. д.) обращаются к Вам с горячей просьбой присылать нам Ваш журнал "ДТП," даже старые или прочитанные номера, если возможно.

Так как мы лишены возможности переслать Вам немедленно подписную плату, то не откажите в любезности присылать журнал пока бесплатно до тех пор, пока кто-либо из членов нашего союза не выедет в Америку или пока не получится возможность выслать Вам подписную плату отсюда.

Журнал "ДТП" многих очень интересует и есть желающие предоставить Вам свои статьи по вопросам экономики, труда и государственной организации. Вам, несомненно, известен научно-литературный голод современной Европы, особенно на русском языке. С уважением инженер **Н. П—а**

ПИСЬМА О БЕЖЕНЦАХ

КАМАГВЕЙ, Куба. — Уважаемые товарищи! Рад, что вы продолжаете трудиться на благо человечества и выпускаете журнал "Дело Труда-Пробуждение." Сожалею, что я ничем не могу помочь вам в этом деле, так как нахожусь в невероятно тяжелых условиях на этом проклятом острове. До 1936 г. мне, как и вообще всем иностранцам, жилось сносно, потому что можно было получить работу, но в 1936 г. правительство провело закон, которым лишило тысячи иностранцев, не успевших прожить на острове 10 лет, права на труд. Меня отправили с работы. Я очутился на улице без средств и без права на труд.

Чтобы не умереть с голоду, был лишь один выход — мыть посуду где-либо в ресторане только за пропитание и сказать спасибо хозяину, если он подарит что-либо на одежду. На таких же условиях можно было "устроиться" где-нибудь на маленькой ферме. Безденежье и скитания заставили меня закрыться и молчать. В течение многих лет я странствую по Кубе в поисках куска хлеба и в городе Камагвей бываю редко. Мне уже 63 года, а пристанища еще не обрел. Мой сердечный привет всем товарищам, борющимся за свободу и равенство.

Хочу сказать ещё несколько слов. Находясь в бедственном положении, в каковом очутились сотни тысяч добрых русских людей, спасая жизнь бегством с родины, я оставил просьбу о высылке мне журнала "ДТП" и с болью в сердце страдал тихонько, прочитывая по много раз имеющиеся книги Бакунина, Кропоткина, Толстого, Махно и Достоевского в ожидании погоды, хорошо зная, что ничто не вечно под луною и что рано или поздно, но придет перемена. Однажды один из товарищей принес мне письмо, присланное по адресу человека, у которого я жил с десяток лет тому назад. Прочитываю и теплом пахнуло на меня, так как письмо товарища меня ободрило. В ответном письме я попросил выслать мне последний номер журнала "Дело-Труда-Пробуждение," который получил сегодня.

До полуночи я сидел и читал его. Письма русских беженцев заставили меня горько заплакать, так как моя мысль была заполнена известными стихами Некрасова, сделавшиеся русской песней: "Укажи мне такую обитель, где бы русский народ не страдал..." Но в то же время я чувствовал радость, что огромные массы русского народа, спасаясь бегством с родины от кровавого насилия главарей компартии, доказывают миру (в который раз?) всю чудовищность режима Сталина и Ко, рад, что они спасли свои жизни, хотя и находятся в ужасных лагерных условиях и под "демократическим" револьвером. Они стремятся к свету и свободе, поэтому и просят прислать им литературу великих русских писателей, которые указывают правильный путь жизни — без эксплуататоров и государственных паразитов.

Массовое бегство из победившей внешнего врага родины лишний раз подчеркивает, что диктаторский режим Ленина-Сталина никак не прививается к многострадальному русскому народу: он бежит от диктатуры, так как хочет свободы. Честь вам и слава, носители свободы, справедливости, равенства и братства — издатели журнала "ДТП," за то, что вы держите высоко знамя свободы и правильно освещаете мировые события с точки зрения безвластия. **Д. Рижук**

БОМБЭЙ, Индия, 25-9-47. — Уважаемые товарищи! Нахожусь здесь более месяца. Благодаря моим собственным усилиям и настойчивости, мне удалось найти т. Ахария, с которым теперь часто встречаюсь С его помощью мне удалось пристроить некоторых беженцев на работу. Есть тут одна женщина из города Кропоткина. Правда, все эти люди очень далеки от идеалов старой русской литературы, идей Бакунина, Толстого и Кропоткина, но всё же они внимательно прислушиваются, когда говоришь им об этих стремлениях свободолюбивого человечества. Передал им некоторые журналы и книгу "Хлеб и Воля" П. А. Кропоткина. Пока здесь околачиваюсь, но вскоре отправлюсь в новое странствование по морям и землям. Сердечный привет всем друзьям и товарищам. **Странник ЯАК**

МИЛАН, Италия, 9-9-47. — Дорогие товарищи, очень Вам благодарен за высылку журнала "ДТП." Теперь хочу ответить на Ваш запрос о лагерях русских беженцев в Римини и Пизе, о которых мне точно ничего не известно. Я написал нашим местным товарищам сделать обследование. Если будет что-нибудь новое, — сообщу. Лица местной русской колонии, культурный центр которых — Русская Библиотека в Милане, ничего о них не знают. Имеется русский лагерь в Реггио Эмилия.

Ни одной русской газеты или журнала не издается в Италии. Русскому языку я учился в Женевском университете. Сейчас подготовляю две работы: одну о социальной мысли Л. Н. Толстого, а другую о Махно, т. е. об анархическом движении на Украине. С тов. приветом **Виргилио Галасси**

ЧИКАГО, Иллинойс. — Дорогие товарищи! Письма русских невозвращенцев-лагерников, помещен-

ные в № 22 "ДТП," произвели на меня глубокое впечатление и сильно расстроили. Голодные и бесправные люди хотят также духовной пищи. Это доказывает, что не всё пропало в России и что русский народ, как только избавится от своих варваров-правителей, развернет свои духовные силы и осуществит мечту свободолюбивого человечества — вольное общество, без господ и рабов, без правящих и подвластных, без диктаторов и без рабов, без эксплуататоров и эксплуатируемых, общество равных в правах людей, свободных и достойных. В их письмах виден этот луч света — стремление к справедливости. Это очень показательный факт!

На ваше воззвание посылаю чек на 5 дол. в фонд для пересылки книг. Но я считаю, что мы обязаны не только помочь им духовной пищей, но и пищей материальной, которая могла бы поддержать их физически. Здесь я ставлю вопрос: где же теперь русская колония, которая во время войны столь щедро выбрасывала доллары "на помощь родине," которой воспользовались её угнетатели-диктатурщики? Страждущим лагерникам-невозвращенцам нужно помочь, ободрить и посодействовать их устройству на новое местожительство. Нужно разбудить совесть американцев и тех русских людей, которые не уверовали в большевицкую ЛОЖЬ, повторяемую изо дня в день в кино, печати, по радио и устной пропагандой многочисленными платными агентами правящего Кремля.

Мы, русские безвластники, хотя нас горсточка, по сравнению с морем беженцев, при содействии сочувствующих идее и принципам свободы, равенства и братства, можем многое сделать для облегчения участи наших соотечественников, находящихся в лагерях Австрии и Германии: нужно пожертвовать десятку или пятёрку, или кто сколько может, направляя эти пожертвования по адресу журнала в фонд помощи русским невозвращенцам. На эти деньги можно послать в лагери продовольственно-вещевые посылки и послать им имеющиеся у нас книги для чтения. Призываю всех друзей и знакомых последовать моему примеру слать в фонд помощи русским беженцам свои добровольные пожертвования.

Б. Еленский

ПИСЬМА ИЗ ФРАНЦИИ

29 октября 1947 года.

Дорогие товарищи! Больше 3 недель жила под Парижем в поисках комнаты. Ничего не нашла, кроме смертельной усталости. На обратном пути загорелся ж-д вагон и вместо 10 часов ехала целых 25. Ночь пришлось провести на свежем воздухе и сильно простудилась. Довольно долгое время была высокая температура. Вот почему так долго не писала.

Получила письма, 10 экземпляров "ДТП," 5 экземпляров книги Николаева: "Первый среди равных" (других 5 экз. до сих пор не получила) и первую часть сказки. За всё сердечно Вас благодарю. Книги и журнал разослала. Мне нужно ещё 5 экземпляров книги Николаева для распространения. Уж не знаю, как Вас и благодарить за сказки. Этой книжкой Вы мне оказали большую услугу в деле изучения французского языка.

Третьего дня послала Вам газету "Русская Мысль," в которой была большая рецензия о № 22 "ДТП." Номер 22-й журнала "ДТП" очень содержателен. На сей раз меня больше всего поразили в нем не только интересные и содержательные статьи, но и письма читателей, из которых узнала, какой большой контакт налажен журналом с разными уголками Европы и как читатели ищут и хотят познать суть анархизма. Вот это хорошо, давайте работать еще больше и лучше.

Книга "Первый среди равных" прежде всего и больше всего ценна по своему фактическому материалу: воззвания времен Махновского движения — большая библиографическая редкость. Махновское движение и справа и слева окружено злостными легендами. Николаев дает нам образное описание великого народного махновского движения в свете дня, не затушевывая и его тёмных пятен. Затем книга очень увлекательно написана. Читаешь и с трудом отрываешься: так хочется дочитать поскорее до конца. Прочтёшь, а проходит некоторое время, и снова тяга — перечесть её. После книги Николаева хочу снова перечесть книгу Аршинова: "История Махновского движения," которую читала 5 лет тому назад и книгу А. Толстого: "Хождение по мукам," в которой тоже говорится о Махновском движении. Интересно, что большевицкая цензура разрешила напечатать об этом. Потом снова перечту "Первый среди равных."

Горячо приветствую желание французских товарищей созвать анархический конгресс. В этом ощущается жгучая необходимость, ибо черный и красный фашизмы высоко подняли головы. Массы на бездорожьи. Много назрело неотложных вопросов, которые требуют совместного обсуждения и разрешения.

Наши идейные товарищи в большинстве живут тяжелым трудом, плохо оплачиваемом при страшной дороговизне предметов первой необходимости. Однако, хуже всех живется нашим испанским товарищам. Многие из них окончательно потеряли свои физические силы и надломили духовные. Им нужен санаторный уход. Но это только мечта. Но тем не менее огромное большинство товарищей, несмотря на бесчеловечно тяжелые условия жизни, не потеряли веры в человечность, правду и в желание борьбы за лучшее будущее для всего человечества.

Большая радость, что нашим французским товарищам удалось издать капитальный труд Волина "Неизвестная Революция." Это поразительный факт того, чего могут достигнуть безденежные люди при большой энергии.

10 ноября 1947 г.

Сегодня получила остальные 5 экз. книги "Первый среди равных." От души благодарю. Завтра разошлю их по назначению.

На фронте нашей идейной жизни — крупное событие: в Тулузе состоялся с'езд испанских и французских анархистов и синдикалистов. Самое большое кино Тулузы еле могло вместить всех участников с'езда, который прошел с большим под'ёмом. Присутствовали делегаты из Северной Африки, Италии, Бельгии и Швейцарии. Международное Товарищество Рабочих представлял Джон Андерсон.

А. Ш.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

БАЛТИМОРА, Мэрилэнд. — Уважаемые товарищи, извещаю Вас, что здесь скоропостижно умер наш общий друг и товарищ Димитрий СОБКО. Смерть его оказалась полной неожиданностью, так как ничто не предвещало его скорой кончины.

Одновременно посылаю Вам почтовый перевод

на 39 долларов, которые составились из следующих сумм: собрано в Фонд Беркмана по листу № 1127—19.50; пожертвования внесли: С. Савук — 10 д., Ф. Рахманов — 5 д., Ф. Бобрик — 2.50, Г. Пискур и Я. Волков — по 1 д.; по листу № 2 на издание книги Волина собрано 8.50: Ф. Рахманов — 5 д., Ф. Бобрик — 2.50 и В. Савук — 1 д.; выручено за 5 экземпляров книги Николаева "Первый среди равных" — 3.75, за книги Махно — 3.50 и за 25 экземпляров № 21 "ДТП" — 3.75.

Пока провинция откликнется на призыв Федеративного Секретаря и пришлет средства на пересылку литературы, рекомендую сделать заем из журнального фонда, который потом покроется пожертвованиями. Надеюсь, что мы соберем здесь на эту цель несколько долларов. **Ф. Серадоенко**

ВОТЕРБУРИ, Коннектикут. — Уважаемые друзья, посылаю Вам 5 долларов, которые предназначены на следующие цели: 1 д. в счёт подписки и 2 д. в издательский фонд журнала "ДТП" и 2 д. в Фонд Беркмана. С приветом **Г. С—н.**

ПИТТСБУРГ, Пеннсильвания. — Уважаемые товарищи, примите 5 д. в издательский фонд журнала "ДТП." Желаю Вам успеха в издании свободного органа. **П. Р.**

НЬЮ ИОРК, Н. И. — М. Г. Прилагая почтовые марки на 19 сентов, покорнейше прошу выслать мне журнал "ДТП." За исполнение просьбы буду очень благодарен. С почтением **С. Дмитриев**

КРЭНБУРИ, Н. И. — М. Г. Прилагая 18 сентов почтовыми марками, прошу выслать мне № 22 Вашего журнала "ДТП." С почтением **А. Ингал**

ВАЙНЛАНД, Нью Джерзи. — В редакцию журнала "ДТП." Прилагая 25 с. почтовыми марками, прошу выслать мне № 22 "ДТП" за Сентябрь 1947 года. **С. Гор.**

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Уважаемые товарищи, посылаем вам денежным переводом 12.50, из которых 2 д. в издательский фонд журнала от т. А. Шевчука, а 10.50 выручены от продажи № 22 "ДТП." Причина слабого распространения есть та, что наш товарищ Ф. К., один из лучших и наиболее активных работников по распространению журнала и нашей литературы, уехал в Калифорнию. Мы сделали всё возможное по распространению журнала. Хотим ещё сказать, что журнал нас не удовлетворяет: мы должны распространять и разъяснять русской колонии идеал анархизма, а в журнале такие статьи отсутствуют.

Правда, есть хорошая критика большевизма, фашизма и капитализма, есть замечательная международная и местная хроника, но нет теоретических статей по анархизму. Мы твердо верим, что народы России избавятся от большевицкого ига так же, как избавились от татарского и романовского. Мы также верим, что когда русский народ начнет снова проливать свою кровь, то вовсе не для того, чтобы заменить кровавого Сталина другим диктатором, т. е. одно зло другим, а чтобы на развалинах большевизма создать свободную федерацию свободных народов России. Поэтому мы считаем более благоразумным уделять в журнале больше места теории, практике и этике анархизма.

От болгарского товарища А. В. Порезова мы получили 100 дол., собранные им в Фонд Беркмана. Деньги пересланы по назначению. **Профсоюз**

МЕКСИКО СИТИ, Мексика, 2-10-47. — Дорогие товарищи! Хотя нас здесь немного, но всё же нам удалось собрать 25 долларов. Мы рады, что можем хоть чем-нибудь помочь Вам по изданию безвластного органа на русском языке. Деньги эти распределяются следующим образом: подписка на журнал "ДТП" (пять подписчиков) — 10 д., в издательский фонд журнала — 5.50, за книгу т. Максимова "Гильотина за работой" (на английском языке) — 3.50 и 6 д. в фонд русских беженцев (на пересылку литературы). Пожертвования и подписка на журнал поступили: Я. Абрамс — 10 д., С. Флешин — 5 д., Рауль Гомец — 5 д., Фаня Янович — 3 д. и С. Левитан — 2 д. Шлем Вам сердечный привет и наилучшие пожелания. **Молли Флешин**

ФИЛАДЕЛФИЯ, Пеннсильвания. — Уважаемые товарищи, посылаю Вам почтовым переводом 6 д. Из этой суммы 2.25 выручены за три книги Николаева "Первый среди равных," а остальные получены от распространения № 22 "ДТП."

Совместно с итальянской группой мы устроили 7 сентября пикник по случаю 20-летия со дня казни в штате Массачузеттс двух итальянских анархистов Сакко и Ванзети. С речами выступали три оратора: два на английском и один на русском языке. Собрали также 27 д., которые решили употребить на пересылку литературы в концлагери Германии и Австрии, где скучены русские беженцы. Пусть из сотни хоть один поймет идею анархизма, так и это будет полезно для мира и человечества, для которого готовится новая бойня. **И. Скителц**

СЭНТ-ЛУИС, Миссури. — Уважаемая редакция журнала "ДТП," посылаю Вам чек на 8 д., из которых два доллара в счёт подписки на журнал, а остальные предназначены в издательский фонд "ДТП": от меня — 2 д. и от т. М. Хведчини — 4 д. Журнал высылайте по имеющимся у Вас адресам.

С тов. приветом **В. Шурхай**

НЬЮ ХЭЙВЕН, Конн. — Уважаемые товарищи, посылаю вам 12.75, из коих 3.75 выручено за № 22 журнала и 9 д. — пожертвования в издательский фонд "ДТП": С. О. 5.25, К. Короневский — 2.75 и Ставрицкий — 1 д. С прив. **К. Короневский**

ЮНГСТАВН, Охайо. — Уваж. товарищи, посылаю вам почтовый перевод на 10 д., из коих 1.50 за 10 экземпляров журнала, а 8.50 — добровольные пожертвования в издательский фонд "ДТП": С. Медынич — 5.00 и А. Чиж — 3 д. **С. Медынич**

ХЕМПСТЕД, Н. И. — Уважаемые друзья, посылаю вам 1.50 за 10 экземпляров журнала "ДТП" и желаю здоровья и сил продолжать полезную работу.

В. Р. переслал в Фонд Беркмана 21.75, собранные по подписному листу № 1126 на помощь товарищам, в рассеянии сущим. **Ф. Жданов**

СЕАТТЛ, Вашингтон. — М. Г. прилагая 18 с. почтовыми марками, прошу выслать мне № 22 журнала "Дело Труда-Пробуждение." **А. Иванов**

РОЗМОНТ, Пенсильвания. — Уважаемые товарищи, посылаю в издательский фонд журнала "Дело Труда-Пробуждение" один доллар. **Н. Н. Гринюк**

ТОРОНТО, Онтарио, Канада. — Дорогие друзья! Посылаю Вам денежный перевод на 7 д. в счёт подписки на журнал "ДТП," посылку которого начать с № 22. Подписку внесли: К. Корсак — 1 д., Т. Гергеша, С. Тюшкевич и Л. Петров — по 2 дол.

Желаем успеха в издании органа свободной мысли.
С приветом **Л. Петров**

БРИДЖПОРТ, Коннектикут. — Уважаемые борцы за свободу! Я получил несколько номеров журнала "Дело Труда-Пробуждение" в счёт подписной платы посылаю вам один доллар. Хотя я уже старик, но всё же я люблю свободу и всем сердцем сочувствую борцам за свободу и справедливость. Прошу и в дальнейшем высылать мне уважаемый журнал "ДТП." Желаю успеха. **Ив. Кардель**

НЬЮ БРОНЗВИК, Нью Джерзи. — Уважаемые товарищи! Хотя в данный момент я не могу пожертвовать в издательский фонд журнала "ДТП," но зато посылаю подписную плату за прошлое и на будущее время в сумме 5 дол. **Ф. Черновец**

ЧИКАГО, Иллиной. — Друзья "делотрудовцы," посылаем вам 55.25, которые составились из следующих пост.: от С. Репихи 1 д. в счёт подписки на журнал "ДТП"; 9.75 выручено за 13 экз. книги Николаева "Первый среди равных"; 10.50 получено от распространения № 22 "ДТП"; 10 д. от Т. Юсковича в фонд помощи русским беженцам (на пересылку литературы и проч.); 27 д. в издательский фонд "ДТП," в каковой поступили пожертвования от следующих товарищей: Т. Юскович — 10 д., Н. Новин и И. Волков — по 5 д.; Р. Губаревич и Ю. Супрунюк — по 2 д.; М. Мироненко, Х. Степанюк и Дж. Рудинский — по 1 д. **И. Волков**

ЛОС АНДЖЕЛЕС, Калифорния. — Уважаемые товарищи, посылаю вам денежный перевод на 19 долларов, из коих 11.25 — выручка за 15 экземпляров книги Николаева "Первый среди равных," 1.50 получено от распространения № 22 журнала, а 6.25 — пожертвования в издательский фонд "ДТП": И. Кармазин — 5 д. и А. С. — 1.25. Желаю вам успеха в издании органа свободной мысли. **И. Кармазин**

ВЕСТ ХЭЙВЕН, Конн. — Многоуважаемые товарищи-труженики "ДТП"! Посылаю вам в счёт подписки на журнал 3 д., в издательский фонд "ДТП" — 10 д. и на пересылку литературы русским беженцам в Европе — 2 д., итого — 15 д. Желаю вам успеха в издании полезно-правдивого органа свободной мысли. **Ал. Рапецкий**

ЛОНДОН, Великобритания, 6-10-47. — М. Г., очень Вам благодарен за присланную Вами ценную литературу для нашей библиотеки. Не откажите в любезности, если это только возможно, прислать "Юбилейный Сборник" Детройтского Кооперативного Общества, 1919-1944 гг. Душевно признательный, протоиерей **Михаил Польский**

ТОРОНТО, Онтарио, Канада. — Уважаемые друзья, посылаю Вам два доллара в счёт подписки и прошу высылать мне журнал "ДТП." **А. Луцкевич**

МОНТЕВИДЕО, Уругвай, 8-10-47. — Дорогие друзья и товарищи! Вчера послал вам через "Сити Банк" 30 уругвайских пезо, которые составились из следующих сумм: 12 пезо за 8 книг Николаева "Первый среди равных" и 18 пезо — добровольные пожертвования в издательский фонд журнала "Дело Труда-Пробуждение"; жертвовали следующие товарищи: М. Войтович и Юлиан Кропивницкий — по 5 пезо, В. С. и Д. Самцов — по 3 и Л. Мельник — 2 пезо. Ждем с нетерпением № 22 "ДТП."

Секретарь группы "Дело Труда" **Алек. Черняков**

ФИНАНСОВЫЙ ОТЧЕТ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ "ДТП"
ЗА СЕНТЯБРЬ-НОЯБРЬ 1947 ГОДА

ПРИХОД:

Поступило подписки на журнал "ДТП"	33.00
Поступило за проданные номера журнала	43.15
Поступило за книгу Николаева	33.15
Поступило за книгу Махно и Л. Черного	7.00
Пожертвования на издание журнала:	
Нью-Иоркская Группа по листу № 25	50.00
Через т. Волкова, Чикаго, Иллинойс	27.00
— — т. Бурка, Мериден, Коннектикут	10.00
А. Рапецкий, Вест Хэйвен, Коннектикут	10.00
Через т. Чернякова, Монтевидео, Уругвай	9.00
— —Короневского, Нью Хэйвен, Конн.	9.00
— — Медынича, Юнгстаун, Охайо	8.50
— — Кармазина, Лос-Анджелес, Калиф.	6.25
— — Шурхая, С-Луис, Мизури	6.00
— —Флешина, Мексико Сити, Мексика	5.50
П. Р., Питтсбург, Пенсильвания	5.00
Стешик и Шевчук — по 2 д., Гринюк — 1 д.	5.00
Остаток на 1 сентября 1947 г.	312.75
Итого	580.30

РАСХОД:

Издание и экспедиция № 22 "ДТП"	306.05
Рента почтового ящика за 3 месяца	4.00
Переписка Редакции	10.00
Остаток на 1 декабря 1947 г.	260.25
Итого	580.30

◆

ФОНД НА ПЕРЕСЫЛКУ ЛИТЕРАТУРЫ

На призыв Нью-Иоркской Группы, напечатанный в № 22 "ДТП," поступили следующие пожертвования в фонд на пересылку литературы в лагери русских беженцев: Группа г. Нью Йорка — 10 д., С. Медычин (Юнгстаун) — 5 д., Группа Бериссо (Аргентина) — 10 д., В. Р. (Хемпстед) — 1 д., Б. Еленский (Чикаго) — 5 д., через Флешиных из Мексики — 6 д., через т. Еленского (Чикаго) — 13 д., через т. Волкова от Т. Юсковича (Чикаго) — 10 д., А. Рапецкий (Вест Хэйвен) — 2 д. и от 25 отдела РООВА — 50 долларов, итого — 112 долларов.

Все эти поступления не покрыли произведенных Н. И. группой расходов. В лагери выслано свыше ста посылок (разного веса) с литературой и несколько посылок — продовольственно-вещевых, в среднем по 22 фунта каждая. Эти посылки обходятся дорого, так как цены на продукты высокие и почтовый тариф тоже высок. Поэтому просим другие группы и читателей журнала оказать нам свое содействие денежными пожертвованиями, которые просим направлять по адресу "ДТП."

Секретарь **Ф. М.**

РОЗЫСК: Лидия Булка, дочь Андрея и Софии Рижевич из села Забереже, гмина Бакшты, повет Воложин, воеводство Новогрудске, разыскивает сестру Марию Станкевич, дочка Якима и Веры Станкевич, давно выехавшую в Америку. Мой адрес:

Lidia Bulka, Polish D. P. Camp Meierwik
114 D.P.A.C.S., 1203 A.C.
506 R. Det. Mil. Gov., Germany.